Самсон Гелхвидзе

ПОД МАСКОЙ ГЛУПОСТИ

Историко-философский роман

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОД МАСКОЙ ГЛУПОСТИ -
Историко-философский роман

«Автор»
2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

ПОД МАСКОЙ ГЛУПОСТИ - Историко-философский роман / С. ГЕЛХВИДЗЕ — «Автор», 2026

Роман «Под маской глупости» обращается к одному из самых узнаваемых образов восточной литературы и народной мудрости — Молле Насреддину. Однако автор не ограничивается пересказом известных притч и комических историй. Он создаёт самостоятельное художественное повествование, в центре которого оказывается человек, чья кажущаяся простота позволяет видеть то, что остаётся незамеченным окружающими.Насреддин — не безупречный мудрец, которому заранее известны все ответы. Он живой, противоречивый, порой уставший человек. Он способен ошибаться, сомневаться, испытывать боль и разочарование. Его сила заключается не во всезнании, а в умении не принимать привычные представления за истину и не бояться задавать неудобные вопросы.Важное достоинство романа — сочетание философской глубины с живым повествованием. Юмор здесь не является украшением или способом развлечь читателя. Он становится инструментом разоблачения человеческого тщеславия, жадности и лицемерия.

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026
© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ
ПОД МАСКОЙ ГЛУПОСТИ -
Историко-философский роман

ПОД МАСКОЙ ГЛУПОСТИ

Историко-философский роман

ПРОЛОГ

В доме почтенного хозяина царило необыкновенное оживление. С самого утра слуги хлопотали у очага, женщины накрывали столы, а сам хозяин, человек представительный и привыкший к тому, чтобы его слово имело вес, уже несколько раз выходил во двор, поглядывал на дорогу и возвращался обратно с видом человека, которому предстояло решить чрезвычайно важное дело.

Гости должны были прибыть с минуты на минуту.

Он рассчитывал, что встреча пройдёт спокойно, обстоятельно и, главное, завершится взаимным согласием. Впрочем, как всякий человек, имевший за плечами немалый жизненный опыт, он прекрасно понимал: даже самые простые семейные дела иногда превращаются в такие запутанные истории, что потом приходится годами вспоминать, с чего всё началось.

— Ты опять выглядываешь во двор? — спросила его супруга, поправляя скатерть. — Будто от твоего нетерпения гости появятся быстрее.

— А разве нет? — усмехнулся хозяин. — Когда человек чего-то ждёт, ему кажется, что ожидание само по себе способно приблизить желанное событие.

— Тогда тебе следовало бы меньше ждать и больше помогать. Вон кувшин с водой до сих пор стоит не на своём месте.

— Женщина, — с достоинством произнёс он, — существуют дела, которыми должен заниматься мужчина, и существуют дела, которые лучше оставить женщинам.

— Совершенно верно, — невозмутимо ответила супруга. — Например, рассуждать о делах гораздо легче, чем передвинуть кувшин.

Хозяин посмотрел на неё, хотел было возразить, но решил не начинать семейный спор перед самым прибытием гостей.

Вскоре во дворе послышались голоса. К воротам подъехали долгожданные посетители. Их было двое: пожилой мужчина с окладистой бородой и его спутница, женщина приятной наружности, державшаяся с той степенью достоинства, которая обычно свидетельствует о привычке не уступать в спорах.

После приветствий и взаимных пожеланий здоровья гости расположились в прохладной комнате, где уже ожидали свежезаваренный чай, домашний сыр, мёд, орехи и несколько тарелок с фруктами.

— Пусть сегодняшний день принесёт нам радость, — произнёс хозяин дома, поднимая пиалу. — И пусть наши намерения окажутся благословенными.

— Аминь, — ответил гость. — Ведь не каждый день приходится решать вопросы, от которых зависит будущее.

— Это правда. Особенно когда речь идёт о молодых. Мы, старшие, можем многое посоветовать, но прожить за них жизнь не сумеем.

— Совершенно согласен. Хотя иногда мне кажется, что молодые вообще не слишком нуждаются в наших советах.

— А мне кажется, что они нуждаются в них больше всего именно тогда, когда меньше всего хотят их слушать, — заметила хозяйка.

Все засмеялись.

Разговор постепенно перешёл на события последних дней. Вспомнили торговцев, поднявших цены на зерно, пожаловались на нерадивых сборщиков налогов, обсудили необычайно жаркую погоду и слухи о том, что в соседних селениях появились новые люди, предлагающие свои услуги за весьма скромную плату.

Гость оказался человеком разговорчивым и не лишённым наблюдательности. Он рассказывал о своих путешествиях, о встречах с разными людьми и о том, как иногда самая незначительная случайность способна изменить судьбу целого семейства.

— Я всегда говорил, — заметил он, — что в жизни нет ничего опаснее поспешного решения. Особенно если оно касается выбора спутника.

— Здесь я с вами не соглашусь, — возразил хозяин. — Иногда слишком долгое раздумье приносит больше вреда, чем пользы. Можно так тщательно выбирать, что в конце концов останешься ни с чем.

— Золотые слова! — поддержала его супруга. — Только вот почему-то мужчины всегда считают, что выбирать должны они, а последствия выбора приходится расхлёбывать всем остальным.

Гостья впервые за всё время улыбнулась.

— Не беспокойтесь, дорогая. У нас в доме тоже придерживаются подобного порядка. Правда, последнее слово обычно остаётся за тем, кто меньше всех собирался его произносить.

Снова раздался смех.

Однако за этой непринуждённостью скрывалось вполне определённое напряжение. Все присутствующие прекрасно понимали, ради чего собрались, и старались не показывать, насколько сильно их волнует предстоящая встреча.

Наконец хозяин отставил пиалу.

— Думаю, — произнёс он, — пришло время перейти от разговоров к делу. Мы достаточно хорошо узнали друг друга, обсудили семейные обстоятельства и, насколько я могу судить, нашли немало общего. Но всё это ещё не означает, что наши надежды оправдаются.

— Разумеется, — согласился гость. — Ведь главное слово принадлежит не нам.

— Именно. Поэтому предлагаю наконец познакомить молодых.

Хозяйка поднялась и вышла в соседнюю комнату.

Через некоторое время она вернулась, и вслед за ней появился тот, ради кого, собственно, и затевалась вся эта встреча.

Присутствующие невольно замолчали.

Незнакомец выглядел вполне достойно. В его облике угадывались природная сила, некоторая независимость и даже лёгкое высокомерие. Он остановился у порога, внимательно осмотрел собравшихся и, словно оценивая обстановку, несколько раз повёл головой.

— Подойди поближе, дорогой, — ласково произнесла хозяйка.

Тот приблизился.

Гостья обменялась многозначительным взглядом со своим спутником. Судя по всему, первое впечатление оказалось благоприятным.

— А теперь, пожалуй, познакомимся со второй стороной, — сказал хозяин.

Дверь снова открылась.

Появление второго участника встречи вызвало почти такое же оживление. Он оказался несколько моложе первого, но выглядел не менее представительно. Его движения были уверенными, взгляд — внимательным, а в поведении чувствовалась та особенная независимость, которая иногда производит приятное впечатление, а иногда раздражает окружающих.

Некоторое время оба стояли неподвижно.

Затем один слегка повернул голову, другой ответил ему почти таким же движением.

На лицах присутствующих появились улыбки.

— Кажется, знакомство проходит неплохо, — прошептал гость.

— Не будем торопиться с выводами, — ответил хозяин. — Первое впечатление бывает обманчивым.

И действительно, спустя несколько мгновений настроение неожиданно изменилось.

Один из молодых вдруг сделал резкое движение, словно обнаружил в поведении другого нечто совершенно неприемлемое. Второй ответил немедленно. Их взгляды встретились, головы напряглись, а затем оба одновременно издали недовольные звуки.

— Что это ещё такое? — удивилась хозяйка.

— Наверное, просто волнуются, — предположила гостья.

Но происходящее уже трудно было объяснить обычным волнением.

Один приблизился, другой отступил. Первый снова двинулся вперёд, второй ответил таким движением, которое никак нельзя было принять за проявление дружелюбия.

— Успокойся! — прикрикнул хозяин.

Однако его слова не произвели ожидаемого впечатления.

Вместо примирения последовал новый всплеск возмущения. Один из участников встречи резко отвернулся, демонстративно ударил ногой по земле и издал протяжный звук, в котором присутствующие без труда распознали выражение крайнего неудовольствия.

Второй ответил ему ещё более выразительно.

— Да что же это такое?! — воскликнула гостья. — Они ведь только познакомились!

— Вот именно! — возмутился хозяин. — А уже ведут себя так, будто между ними произошла многолетняя вражда!

Гость поднялся с места.

— Прошу вас, не повышайте голоса. Возможно, недоразумение ещё можно уладить.

Но его попытка примирения оказалась безуспешной.

Один из молодых участников внезапно повернулся спиной к другому и направился прочь. Тот, словно восприняв это как личное оскорбление, последовал за ним, продолжая выражать своё негодование.

— Остановите его! — крикнула хозяйка.

— Да куда же ты?! — одновременно воскликнул хозяин.

В комнате начался настоящий переполох.

Гость бросился к двери, его супруга поспешила следом. Хозяева пытались остановить разгоревшуюся ссору, но каждый новый призыв к спокойствию вызывал лишь очередную волну возмущения.

Наконец обоим удалось развести участников встречи в разные стороны.

Когда двери за ними закрылись, в комнате воцарилась тяжёлая тишина.

— Я не понимаю, — медленно произнёс хозяин. — Чем мы заслужили подобное отношение?

— А я не понимаю, — ответил гость, — почему вы считаете, что виновата исключительно наша сторона?

— Потому что ваш подопечный первым проявил неуважение!

— Позвольте! Это ещё нужно доказать!

— Доказать? Да вы сами всё видели!

— Я видел, как ваш начал первым!

— Не смейте обвинять моего!

— А вы не смейте оскорблять нашего!

Ещё несколько минут назад эти люди обменивались любезностями, желали друг другу здоровья и говорили о семейном согласии. Теперь же каждый был готов защищать честь своего питомца с таким пылом, словно речь шла о судьбе целого рода.

И только хозяйка, до сих пор сохранявшая относительное спокойствие, неожиданно задала вопрос:

— А может быть, мы вообще не там ищем причину? Может быть, дело вовсе не в том, кто первым отвернулся или сделал шаг назад?

Мужчины замолчали.

— Что вы хотите сказать? — спросил гость.

— Я хочу сказать, что мы слишком много говорим о них и слишком мало пытаемся понять, чего они сами хотят.

— Но ведь они не могут объяснить нам этого словами! — возразил хозяин.

Хозяйка посмотрела на него с нескрываемым удивлением.

— А разве это мешает им иметь собственное мнение?

Никто не ответил.

За стеной снова послышался недовольный звук.

И хозяин, тяжело вздохнув, произнёс:

— Боюсь, дорогой мой, что сегодняшний день мы будем вспоминать ещё очень долго.

Он пока не знал, насколько правдивыми окажутся его слова.

И уж тем более никто из присутствующих не мог предположить, что самое интересное в этой истории ещё только начиналось.

Скандал, разгоревшийся во дворе, постепенно переместился за закрытые двери. Мужчины ещё долго обменивались обвинениями, женщины переговаривались вполголоса, а самые любопытные соседи, успевшие собраться у ворот, никак не могли решить, следует ли им разойтись или подождать продолжения представления.

Но самое удивительное происходило совсем в другом месте.

В небольшой комнате, куда после неудачного знакомства удалился один из почтенных хозяев, царила тишина. Хозяин уселся на низкую подушку, снял головной убор и задумчиво потёр лоб. Напротив него находился тот, ради кого, собственно, и затевалось всё сегодняшнее торжество.

— Ну что, дорогой мой, — произнёс хозяин примирительным голосом, — объясни мне, наконец, чем тебе не понравилась эта встреча?

В ответ послышалось короткое недовольное фырканье.

— Неужели ты ожидал увидеть красавицу из сказки? — продолжал мужчина. — Или, может быть, тебе не понравились её манеры? Хотя, признаться, манеры у неё вполне достойные. И семья у неё уважаемая. И приданое, насколько я понял, совсем неплохое.

Собеседник отвернулся.

— Ах вот как! Значит, дело не в приданом?

Тот медленно повернул голову и посмотрел на хозяина таким выразительным взглядом, что мужчина невольно замолчал.

— Ладно, ладно. Не сердись. Я ведь хочу тебе добра. Неужели ты думаешь, что мне легко было найти подходящую партию? Я обошёл половину округи, выслушал десятки советов, потратил деньги на подарки, а теперь ты одним движением перечёркиваешь все мои старания!

Снова последовало фырканье, на этот раз более решительное.

Хозяин вздохнул.

— Вот ведь характер! Прямо как у покойной моей тёщи. Та тоже могла целый день молчать, а потом одним взглядом разрушить все семейные договорённости.

Он поднялся, подошёл к окну и некоторое время смотрел на улицу. Потом повернулся:

— Послушай, я ведь не прошу тебя жениться на первой встречной. Но и выбирать до самой старости — тоже не дело. В жизни нужно иногда идти на уступки.

В ответ раздался такой выразительный звук, что мужчина развёл руками.

— Хорошо! Хорошо! Я понял. Уступать должен кто-то другой.

Он снова сел, задумался и неожиданно улыбнулся.

— А знаешь, что я придумал? Мы устроим ещё одну встречу. Только на этот раз я сам всё проверю. Никаких лишних гостей, никаких громких обещаний и никаких родственников, которые считают себя умнее всех остальных. Ты увидишь её ещё раз, спокойно, без шума. И если после этого твоё мнение не изменится, я больше не стану тебя уговаривать.

Собеседник посмотрел на него с явным недоверием.

— Да, да, слово даю! — поспешил заверить хозяин. — Но и ты, будь добр, постарайся вести себя прилично. В конце концов, мы не на базаре, где можно повернуться и уйти, едва тебе что-нибудь не понравилось.

Он протянул руку, словно предлагая заключить договор.

Рука повисла в воздухе.

Его собеседник демонстративно отвернулся.

— Вот и поговорили, — пробормотал мужчина. — С людьми, оказывается, гораздо проще.

В другом конце селения происходило нечто похожее. Второй хозяин тоже пытался выяснить причины столь неожиданного отказа, но его разговор оказался ещё менее удачным. Он долго рассуждал о достоинствах будущей семьи, о выгоде знакомства, о приличиях и даже о том, что подобная возможность может больше не представиться.

Однако все его доводы разбивались о непреклонное молчание.

Наконец он не выдержал:

— Да что же тебе ещё нужно? Чтобы она сама пришла и попросила твоей руки? Или чтобы её родственники встали перед тобой на колени?

В ответ послышалось короткое, почти презрительное фырканье.

— Понятно, — сказал хозяин. — Значит, ты считаешь, что достоин большего.

Он помолчал, затем с любопытством спросил:

— А какого именно?

Ответа не последовало.

И тогда мужчина, совершенно неожиданно для самого себя, рассмеялся.

— Ну что ж! Похоже, мне придётся стать не только хозяином, но и посредником в сердечных делах. Никогда не думал, что доживу до такого дня.

Он ещё не знал, что впереди его ждут переговоры, объявления, новые знакомства, обиды, примирения и такие семейные разбирательства, по сравнению с которыми сегодняшняя ссора покажется невинной детской забавой.

А пока две семьи, каждая по-своему уверенная в собственной правоте, готовились к новому раунду переговоров.

И только сами главные участники этой истории знали, что никакие обещания, подарки и уговоры не способны заменить одного простого чувства — взаимной симпатии.

Впрочем, один из них уже начинал подозревать, что его хозяин понимает происходящее гораздо хуже, чем ему кажется.

На следующее утро оба хозяина проснулись с одинаковой мыслью: вчерашняя неудача не должна стать окончательным поражением. Каждый был убеждён, что именно ему предстоит проявить терпение, рассудительность и мудрость, чтобы исправить положение. Правда, ни один из них не подозревал, что второй думает совершенно так же.

Первым за дело взялся почтенный Али-бек. Он был человеком обстоятельным, любил порядок и считал, что любую трудность можно разрешить, если заранее предусмотреть все возможные неприятности. В молодости он торговал шёлком, потом занялся землёй, приобрёл несколько садов и постепенно заслужил уважение соседей. В его доме всё имело своё место: посуда, ковры, сундуки, даже гости знали, где им полагалось сидеть.

Но в последнее время в его жизни появилось нечто, чему он никак не мог найти подходящего места.

Он вышел во двор, приказал подать чай и велел позвать старого слугу.

— Мустафа, ты ведь давно служишь в моём доме?

— Сорок два года, почтенный хозяин.

— И за эти годы ты видел многое?

— Видел, хозяин. И хорошее, и плохое.

— Тогда скажи мне: почему молодые сегодня стали такими разборчивыми?

Мустафа осторожно посмотрел на него.

— Наверное, потому, что старшие слишком долго выбирали за них.

Али-бек нахмурился.

— Ты, кажется, забыл, с кем разговариваешь.

— Нет, хозяин. Поэтому и отвечаю осторожно.

Али-бек хотел было рассердиться, но передумал. Мустафа был старым слугой, а старые слуги иногда позволяли себе говорить то, чего не решались произнести родственники.

— Хорошо. Допустим, ты прав. Но что мне теперь делать?

— Спросить того, ради кого всё затевается.

— Я спрашивал!

— Значит, плохо спрашивали.

Али-бек посмотрел на него с удивлением.

— Мустафа, ты сегодня необыкновенно смел.

— Просто я ещё не завтракал, хозяин. На голодный желудок иногда говоришь правду быстрее, чем успеваешь подумать.

Слуга удалился, оставив хозяина в задумчивости.

Тем временем в другом доме происходило нечто похожее. Тамошний хозяин, Хасан-ага, человек горячий и вспыльчивый, решил, что причиной вчерашнего происшествия стала недостаточная торжественность знакомства. Он был уверен: если устроить всё как следует, с музыкантами, угощением и почётными гостями, настроение непременно изменится.

Он даже приказал достать из сундука праздничный ковёр, который обычно расстилали только по большим семейным праздникам.

— На этот раз всё будет иначе! — объявил он жене. — Никаких поспешных решений. Сначала музыка, потом угощение, затем беседа. И пусть каждый ведёт себя достойно.

Жена, которая знала мужа лучше, чем он сам, спокойно спросила:

— А если снова не понравится?

— Тогда будем искать причину.

— А если причина окажется в тебе?

Хасан-ага посмотрел на неё так, словно услышал нечто совершенно невозможное.

— Во мне? Да я единственный человек в этой семье, который ещё пытается сохранить здравый смысл!

Жена улыбнулась и ничего не ответила.

Она давно поняла одну простую вещь: когда мужчина объявляет себя единственным разумным человеком в доме, лучше не мешать ему наслаждаться этой мыслью. Рано или поздно жизнь сама найдёт способ её проверить.

К полудню Али-бек уже отправил гонца с письмом. В письме он выражал сожаление по поводу вчерашнего недоразумения и предлагал устроить новую встречу, но на этот раз без лишней помпы.

Хасан-ага, получив послание, сначала долго рассматривал печать, затем прочитал письмо вслух, а после потребовал чернила и бумагу.

Его ответ был коротким:

«Уважаемый сосед! Я согласен, что вчера произошло недоразумение. Однако считаю, что причина его не в излишней торжественности, а в недостатке внимания к желаниям молодых.

Предлагаю встретиться ещё раз, но прежде позвольте нам выяснить, чего именно они хотят. Иначе мы рискуем потратить ещё один день, несколько мешков денег и остатки нашего доброго расположения друг к другу».

Али-бек прочитал ответ трижды.

— Несколько мешков денег? — пробормотал он. — Будто я собираюсь разорить его семью!

Он хотел написать возражение, но вдруг остановился. Последняя фраза показалась ему настолько разумной, что он даже немного обиделся: почему сам не догадался сказать то же самое?

Вечером оба хозяина, независимо друг от друга, пришли к одному решению: необходимо привлечь посредника. Человека, который не был бы родственником ни одной из сторон, не зависел бы от чужого мнения и обладал достаточной мудростью, чтобы разобраться в столь необычном деле.

Но где найти такого человека?

В селении было немало тех, кто называл себя мудрецами. Одни умели красиво говорить, другие знали наизусть священные тексты, третьи прославились тем, что давали советы всем подряд, даже когда их об этом никто не просил.

Однако для этого случая требовался кто-то особенный.

Человек, который умел бы слушать не только слова, но и молчание.

Человек, способный понять, что иногда самое громкое возражение выражается одним поворотом головы, а самое убедительное согласие — едва заметным движением глаз.

И такой человек в окрестностях действительно жил.

Правда, никто из двух почтенных хозяев ещё не знал, что вскоре именно он окажется в центре этой истории. Его считали человеком странным, непредсказуемым и временами даже нелепым. Он мог задать вопрос, от которого собеседник терял дар речи, а мог ответить на серьёзное обвинение такой шуткой, что обвинитель начинал смеяться вместе с ним.

Одни называли его бездельником, другие — хитрецом, третьи утверждали, что за его простодушием скрывается необыкновенная мудрость.

Но все сходились в одном: скучно рядом с ним не бывало никогда.

И вот однажды утром, когда солнце только поднялось над крышами селения, к его дому направились сразу два гонца. Каждый нёс письмо, и каждый был уверен, что именно его поручение важнее другого.

Хозяин дома ещё спал.

Зато во дворе уже не спалось одному весьма необычному обитателю. Он стоял возле кормушки, лениво жевал и с большим интересом наблюдал за приближением незнакомцев.

Сначала он посмотрел на одного гонца, потом на другого, затем перевёл взгляд на дверь дома.

И, кажется, впервые за всё утро проявил неподдельное любопытство.

Впрочем, если бы кто-нибудь мог понять его мысли, то, вероятно, услышал бы следующее:

«Ну вот. Опять началось. Хозяин ещё спит, а неприятности уже пришли по расписанию».

Он встряхнул ушами, переступил с ноги на ногу и громко заревел.

В доме послышалось недовольное ворчание.

— Кто там опять? — донёсся сонный голос. — Неужели даже утро нельзя встретить спокойно?

Но гонцы уже стучали в ворота.

А история, которая началась с неудачного знакомства двух молодых, наконец приближалась к человеку, без которого она никогда не стала бы легендой.

— Да откройте же ворота! — крикнул один из гонцов. — У нас срочное дело!

— У всех срочное, когда они приходят к чужому дому, — пробормотал изнутри сонный голос. — А когда я прихожу к ним, почему-то никто не торопится.

Послышались шаги, заскрипел засов, и на пороге появился хозяин. На нём был длинный домашний халат, пояс завязан кое-как, а на голове красовалась тюбетейка, явно надетая второпях.

Он посмотрел на первого гонца, затем на второго.

— Вы знакомы?

— Нет, почтенный.

— Уже хорошо. Значит, пока ещё не успели поссориться. Что случилось?

Оба протянули письма.

Хозяин взял их, повертел в руках и вздохнул:

— Два письма с утра пораньше. Неужели кто-то решил жениться?

Гонцы переглянулись.

— Именно так, почтенный.

— Тогда я правильно угадал. Только не понимаю, почему люди, собирающиеся вступить в семейную жизнь, начинают её с того, что мешают спать другим.

Он распечатал первое письмо, прочитал, потом второе. Чем дальше он читал, тем заметнее становилось его веселье.

— Ах, вот оно что! Две уважаемые семьи, два почтенных хозяина и одна маленькая неприятность, которая уже успела вырасти до размеров большого бедствия.

Он ещё раз взглянул на письма.

— Передайте вашим хозяевам, что я приду. Но не сегодня.

— Почему, почтенный?

— Потому что сегодня я должен сначала позавтракать. А человек, который пытается разрешить чужие семейные проблемы на пустой желудок, рискует сам стать частью этой проблемы.

Гонцы поклонились и ушли.

Хозяин уже собирался вернуться в дом, но вдруг остановился. Из-за его спины раздалось настойчивое ржание.

Он обернулся.

— А ты чего вмешиваешься? Тебя никто не приглашал.

Снова раздалось ржание.

— Вот именно! — сказал хозяин. — Я тоже считаю, что не стоит торопиться. Сначала узнаем, в чём дело, потом будем давать советы.

Он подошёл к своему молчаливому спутнику, потрепал его по шее и заглянул в глаза.

— Хотя, признаться, иногда ты понимаешь людей лучше, чем они сами себя понимают.

Тот слегка приподнял голову.

«Наконец-то, — подумал он. — Хоть иногда хозяин говорит разумные вещи».

Но вслух, разумеется, ничего не произнёс.

К вечеру наш герой всё-таки отправился в путь. Он не спешил, останавливался у лавок, здоровался со знакомыми, интересовался новостями и дважды сворачивал не туда, куда следовало. Его спутник терпеливо следовал рядом, хотя всем своим видом выражал сомнение в целесообразности подобного путешествия.

Когда они добрались до дома Али-бека, хозяин уже ждал у ворот.

— Добро пожаловать, дорогой гость! — воскликнул он. — Мы давно нуждались в твоей мудрости.

— Тогда вы слишком долго откладывали знакомство с ней, — ответил пришедший.

Али-бек рассмеялся и пригласил его во двор.

— У меня к тебе необычная просьба.

— Необычные просьбы обычно бывают двух видов, — заметил гость. — Одни требуют денег, другие — терпения. Надеюсь, у тебя найдётся хотя бы что-нибудь из этого.

— Найдётся и то и другое.

— Тогда дело действительно серьёзное.

Они сели под виноградной лозой. Хозяин приказал принести чай, фрукты и сладости. Гость с удовольствием принял угощение, но, заметив, что Али-бек всё время поглядывает на него, наконец спросил:

— Ну что же, рассказывай. Кто на этот раз поссорился?

— Две семьи.

— Уже неприятно.

— Из-за знакомства молодых.

— Ещё неприятнее.

— И теперь никто не желает уступать.

Гость отложил чашку.

— А сами молодые что говорят?

Али-бек замялся.

— В том-то и дело, что они почти ничего не говорят.

Гость некоторое время смотрел на него, затем перевёл взгляд на стоявшего неподалёку спутника.

— Понимаю, — произнёс он. — Значит, говорить придётся нам.

Он улыбнулся.

— Но прежде я хотел бы познакомиться с теми, ради кого вы затеяли весь этот шум.

Али-бек неожиданно смутился.

— Это можно устроить. Только прошу тебя, не смейся.

— Я постараюсь, — ответил гость. — Хотя обещать ничего не могу. Иногда жизнь сама рассказывает такие истории, что человеку остаётся только смеяться, чтобы не заплакать.

И впервые за весь день Али-бек почувствовал, что, возможно, нашёл нужного человека.

Но он ещё не знал, что его гость уже начал догадываться: дело здесь вовсе не в семейных обычаях, не в приданом и даже не в упрямстве молодых.

Всё было гораздо проще и одновременно гораздо смешнее.

Али-бек поднялся и предложил гостю пройти в соседний двор.

— Только прошу тебя, — предупредил он, — не делай поспешных выводов. Я знаю, что история покажется тебе странной, но прошу отнестись к ней серьёзно.

— Дорогой Али-бек, — ответил гость, — я всю жизнь стараюсь относиться к людям серьёзно. Именно поэтому они так часто кажутся мне смешными.

Они прошли через небольшую калитку. За ней находился просторный двор, в котором росли две старые шелковицы. Под навесом стоял большой деревянный стол, а рядом были устроены удобные стойла.

И тут гость остановился.

Теперь он понял, почему хозяин так долго подбирал слова.

В одном из стойл стоял крупный серый осёл. Он был ухожен, хорошо откормлен и смотрел на окружающих с таким выражением, словно считал себя единственным существом во дворе, обладающим здравым рассудком.

Гость медленно повернулся к Али-беку.

— Это он?

— Да.

— Тот самый?

— Именно.

Гость снова посмотрел на осла. Тот в ответ спокойно шевельнул ушами.

— А я-то думал, речь идёт о твоём племяннике, — произнёс гость.

Али-бек покраснел.

— Не смейся. Я ведь говорил, что история непростая.

— Я не смеюсь. Пока.

Он подошёл поближе, внимательно осмотрел животное и вдруг спросил:

— Ну что, почтенный жених, почему вчера невеста тебе не понравилась?

Осёл отвернул голову.

— Видишь? — вздохнул Али-бек. — Именно так он и реагирует на все мои вопросы.

— А ты пробовал спросить его не о невесте, а о том, чего он сам хочет?

— Разумеется!

— И что же?

— Ничего. Он только фыркает, отворачивается или начинает греметь копытом.

Гость задумался.

— Возможно, он считает, что ты задаёшь неправильные вопросы.

— Какие ещё неправильные?

— Например, ты спрашиваешь, нравится ли ему невеста, а он, быть может, хочет знать, нравится ли он ей.

Али-бек некоторое время молчал.

— Никогда об этом не думал.

— Вот видишь. А ты уже собирался решать его судьбу.

Гость повернулся к ослу.

— Послушай, друг мой. Я не знаю, что именно тебе не понравилось. Может быть, она слишком молода, может быть, слишком горда, а может быть, ты просто не любишь, когда за тебя решают другие. Но скажу тебе одну вещь: если ты хочешь, чтобы тебя понимали, иногда приходится самому сделать первый шаг.

Осёл поднял голову.

Гость улыбнулся:

— Хотя бы перестать отворачиваться от тех, кто пришёл с добрыми намерениями.

И тут произошло нечто неожиданное. Осёл приблизился к ограде, вытянул шею и осторожно коснулся носом руки гостя.

Али-бек удивлённо посмотрел на них.

— Вот это да! Он никогда так не делает с чужими людьми.

— Значит, мы с ним нашли общий язык, — ответил гость. — Правда, пока не выяснили, на каком языке разговариваем.

Он погладил осла по лбу и негромко добавил:

— Ничего, дружище. Я постараюсь тебе помочь. Но сначала нам предстоит познакомиться с другой стороной этой истории.

В тот же вечер гость отправился к Хасан-аге.

Там его встретили с не меньшим почётом. Хозяин приказал подать лучший чай, расстелить праздничный ковёр и принести угощение.

— Ты приехал очень вовремя, — сказал он. — Я уже начинаю терять терпение.

— Терпение — вещь дорогая, — заметил гость. — Особенно когда приходится тратить его на чужое упрямство.

— Вот именно! Но ты должен увидеть её собственными глазами.

Хасан-ага провёл его в дальнюю часть двора.

Там, под навесом, стояла молодая светло-рыжая ослица. Она была изящна, стройна и держалась с таким достоинством, будто прекрасно знала о произведённом впечатлении.

Гость остановился.

— Так вот кто наша невеста!

— Да, — гордо произнёс Хасан-ага. — Красавица, не правда ли?

— Не стану спорить. Но красота, как известно, ещё не гарантирует семейного счастья.

Ослица повернула голову и внимательно посмотрела на незнакомца.

— А характер у неё какой? — спросил он.

Хасан-ага замялся.

— Характер? Прекрасный! Правда, иногда она бывает немного своенравной.

— Немного?

— Ну... достаточно.

— А что она любит?

— Свежую траву, яблоки, морковь. Как и все.

— А чего не любит?

Хозяин задумался.

— Не любит, когда её торопят. И когда подходят сзади. И когда пытаются отнять еду.

Гость рассмеялся.

— Значит, у неё уже есть три условия для счастливой семейной жизни. Осталось выяснить, готов ли жених их соблюдать.

Хасан-ага нахмурился.

— Ты опять шутишь!

— Нет, дорогой мой. Я начинаю понимать, что у нас будет очень серьёзное дело.

Он подошёл к ограде и протянул руку. Ослица не отступила, но и не приблизилась.

Гость посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

— Не бойся. Я не собираюсь выдавать тебя замуж без твоего согласия.

Ослица неожиданно фыркнула и отвернулась.

Хасан-ага всплеснул руками:

— Вот видишь! И она тоже!

Гость долго смеялся, а потом произнёс:

— Теперь я окончательно убедился: здесь не обойтись без настоящего посредника.

— Но ты ведь уже приехал!

— Да. И, кажется, мне придётся приехать ещё не один раз.

Он направился к выходу, а Хасан-ага проводил его до ворот.

На улице уже сгущались сумерки. Вдали перекликались пастухи, в садах стрекотали цикады, а над селением медленно поднималась луна.

Гость остановился, посмотрел на вечернее небо и улыбнулся.

— Удивительное дело, — сказал он сам себе. — Люди всю жизнь пытаются понять, чего хотят другие, но редко спрашивают, чего хотят те, кто находится рядом с ними.

Он поправил тюрбан и пошёл домой.

Теперь ему предстояло самое трудное: объяснить двум почтенным хозяевам, что семейное счастье нельзя устроить приказом, даже если приказ отдаёт самый уважаемый человек в округе.

А дома его уже ждал тот, кто, судя по всему, был гораздо лучше осведомлён о происходящем, чем сам хозяин. И, возможно, именно ему предстояло сыграть в этой истории главную роль.

Когда гость вернулся домой, ночь уже вступила в свои права. В окнах соседних домов мерцали огоньки, где-то за стеной тихо переговаривались женщины, а издалека доносилась мелодия одинокой флейты.

Во дворе его встретил верный спутник.

Тот стоял возле кормушки, но к еде почти не притрагивался. Увидев хозяина, он поднял голову и внимательно посмотрел на него.

— Ну что, дружище, — произнёс вернувшийся, — сегодня мы познакомились с двумя семьями, двумя хозяевами и двумя весьма самостоятельными молодыми особами.

Осёл шевельнул ушами.

— Да, я тоже заметил. Хозяева считают, что всё знают лучше остальных. А молодые, похоже, придерживаются противоположного мнения.

Он снял тюрбан, повесил его на деревянный гвоздь и присел рядом.

— Скажи мне, старый друг, почему люди так любят устраивать чужую жизнь? Свою-то они едва успевают наладить.

Осёл тихо фыркнул.

— Вот и я о том же.

Хозяин протянул ему яблоко. Тот осторожно взял угощение, разжевал и снова посмотрел на него.

— Завтра нам предстоит серьёзный разговор. Надо будет объяснить этим двум почтенным господам, что нельзя женить одного только потому, что другой считает это хорошей мыслью.

Осёл вдруг громко заржал.

— Не кричи так! — засмеялся хозяин. — Соседи подумают, что я опять разговариваю сам с собой.

Он помолчал, потом добавил:

— Хотя, признаться, с тобой беседовать гораздо приятнее. Ты хотя бы не перебиваешь.

Осёл опустил голову к кормушке.

«Не перебиваю, потому что не могу, — подумал он. — А если бы мог, ты бы узнал о себе много нового».

Но хозяин, конечно, не услышал этих слов.

На следующее утро в доме собрались несколько человек. Али-бек и Хасан-ага прибыли почти одновременно, каждый со своим мнением и каждый с уверенностью, что именно его предложение должно стать основой будущего решения.

Хозяин дома усадил гостей под виноградной лозой.

— Друзья мои, — начал он, — прежде чем мы снова начнём спорить, я хочу задать вам один вопрос. Вы действительно желаете счастья своим подопечным?

— Разумеется! — одновременно ответили оба.

— Тогда почему вы всё время говорите о собственных желаниях?

Наступила тишина.

— Али-бек, ты хочешь, чтобы всё было устроено по-твоему. Хасан-ага, ты хочешь, чтобы всё было устроено по-твоему. А кто-нибудь из вас хотя бы раз задумался, чего хотят сами молодые?

— Мы ведь стараемся ради них, — возразил Али-бек.

— В этом я не сомневаюсь. Но добрые намерения ещё не означают, что человек поступает правильно.

Хасан-ага покачал головой.

— И что же ты предлагаешь?

— Очень простую вещь. Давайте устроим ещё одну встречу. Но на этот раз без музыки, без подарков и без торжественных обещаний. Пусть они сами решат, хотят ли познакомиться поближе.

— А если опять не захотят? — спросил Али-бек.

— Тогда мы хотя бы будем знать, что не заставляли их.

Хасан-ага задумался.

— И кто же будет присутствовать при этой встрече?

— Я, конечно. Вы оба. И ещё один свидетель.

— Кто?

Хозяин улыбнулся:

— Тот, кто, возможно, понимает в этом деле больше нас всех.

Оба мужчины удивлённо переглянулись.

— Кто же это? — спросил Али-бек.

— Мой старый друг.

— Человек?

— Не совсем.

Хасан-ага приподнял брови.

— Ты хочешь сказать...

— Именно.

В назначенный день две семьи снова встретились.

На этот раз никто не расстилал праздничных ковров, не приглашал музыкантов и не пытался произвести впечатление богатством. Во дворе поставили две большие корзины с яблоками, свежую воду и охапки душистой травы.

А потом появились они.

Сначала ввели серого жениха. Он шёл спокойно, но с таким видом, будто присутствовал не на сватовстве, а на заседании совета старейшин.

Следом привели светло-рыжую невесту. Она остановилась, оглядела двор и слегка встряхнула гривой.

Гости замолчали.

Серый сделал несколько шагов вперёд. Рыжая повернула голову. Они посмотрели друг на друга.

Несколько мгновений ничего не происходило.

Затем жених приблизился к корзине с яблоками, достал одно и принялся с аппетитом жевать.

Невеста посмотрела на него с таким выражением, будто ожидала от него хотя бы одного слова приветствия.

Гость прикрыл рот ладонью, стараясь не рассмеяться.

— Ну что ж, — тихо сказал он, — начало вполне обнадёживающее. По крайней мере, они уже нашли общий интерес.

Али-бек и Хасан-ага с тревогой наблюдали за происходящим.

И вдруг рыжая подошла к корзине, вытащила самое большое яблоко и отошла в сторону.

Серый перестал жевать.

Он посмотрел на неё, потом на оставшиеся яблоки, потом снова на неё.

В его глазах появилось выражение глубокого недоумения.

«Вот это уже интересно, — подумал он. — Значит, делиться она не собирается».

Но рыжая, словно прочитав его мысли, неожиданно разломила яблоко пополам. Одну половину оставила себе, а другую положила рядом.

Серый приблизился.

И впервые за всё время его морда приняла выражение, которое можно было бы назвать удовлетворённой улыбкой.

Гость тихо рассмеялся.

— Кажется, друзья мои, сегодня мы добились большего, чем за все предыдущие дни.

Али-бек облегчённо выдохнул.

Хасан-ага довольно потёр ладони.

Однако сам гость не торопился делать выводы. Он знал, что одно яблоко ещё не означает семейного счастья, а одна улыбка не гарантирует долгой дружбы.

Он посмотрел на двух молодых, затем на их хозяев и произнёс:

— Запомните сегодняшний день. Вы хотели устроить им судьбу, а они всего лишь попросили дать им возможность выбрать самим.

И в этот момент серый осёл неожиданно поднял голову и громко заржал.

Рыжая ответила ему.

Гости засмеялись.

— Вот видите! — воскликнул Хасан-ага. — Они уже разговаривают!

— Да, — согласился гость. — И, судя по всему, беседа у них гораздо содержательнее нашей.

Он повернулся к Али-беку:

— А теперь, дорогие мои, предлагаю закончить переговоры. Пусть молодые встречаются, когда захотят, а мы перестанем вмешиваться в их дела.

— Но ведь нужно ещё решить вопрос о...

— О приданом? — перебил гость. — О подарках? О свадебном угощении? Успеется. Сначала пусть появится любовь, а уж потом будем считать яблоки.

Снова раздался смех.

Но за этим смехом скрывалась простая истина, которую никто из присутствующих не произнёс вслух: даже самое доброе намерение может стать несправедливостью, если забыть о свободе другого.

В тот вечер, когда гости разошлись, хозяин вернулся домой. Его спутник встретил его у ворот.

— Ну что, старина, — сказал он, погладив осла по шее, — сегодня мы, кажется, спасли одну будущую семью.

Осёл посмотрел на него.

— Не знаю, как сложится их судьба, но одно могу сказать: люди порой способны устроить такой переполох из-за простого яблока, что потом приходится созывать целый совет.

Осёл фыркнул.

— Да, я знаю. Ты бы справился быстрее.

Хозяин рассмеялся и направился к дому.

Он ещё не знал, что эта история станет лишь первым испытанием их дружбы, что впереди их ждут далёкие дороги, чужие города, властители и нищие, судьи и торговцы, влюблённые и обманутые.

И что однажды его спутник поможет ему выбраться из беды, в которую не сумел бы попасть ни один разумный человек.

Но это будет уже другая история.

А пока в маленьком восточном селении заканчивался необыкновенный день, начавшийся с семейного скандала и завершившийся примирением двух упрямых сердец.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ИМЕНИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ СЛИШКОМ МНОГО СПРАШИВАЛ

В тот день старый учитель впервые пожалел, что согласился обучать чужих детей.

Впрочем, пожалел он не потому, что ученики оказались ленивыми или непослушными. С ленивыми он умел обращаться, непослушных давно научился усмирять одним взглядом. Его огорчал один мальчик, сидевший у самого окна и задававший такие вопросы, после которых даже взрослые начинали сомневаться в собственных ответах.

— Учитель, — произнёс мальчик, подняв руку.

Старик глубоко вздохнул.

— Что опять?

— Почему богатый человек считается уважаемым?

— Потому что у него есть деньги, — ответил учитель.

— А если он получил их нечестным путём?

— Тогда он не должен считаться уважаемым.

— Но ведь его всё равно уважают.

— Кто?

— Те, кому он даёт деньги.

Учитель снял очки, протёр их краем халата и посмотрел на мальчика так, словно впервые заметил его присутствие.

— Ты слишком много думаешь.

— А это вредно?

— Иногда.

— Тогда почему вы сами всё время думаете?

В классе послышался сдержанный смех. Учитель постучал деревянной указкой по столу.

— Тишина! И запомни, мальчик: не всякий вопрос требует ответа.

— А как узнать, на какой вопрос отвечать, а на какой нет?

— Это приходит с возрастом.

— Значит, старые люди знают все ответы?

— Не все, конечно.

— Тогда почему они так сердятся, когда дети задают вопросы?

На этот раз засмеялись даже те, кто обычно боялся лишний раз пошевелиться в присутствии учителя.

Старик хотел было отчитать мальчика, но вдруг заметил, что тот смотрит на него совершенно серьёзно. В его глазах не было ни насмешки, ни желания показать себя умнее других. Там жило искреннее любопытство, которое иногда бывает опаснее самой дерзкой насмешки.

— Как тебя зовут? — неожиданно спросил учитель.

— А зачем вам?

— Чтобы знать, кого я должен выгнать из класса.

— Тогда лучше не говорите. Вдруг вы потом пожалеете.

Старик не выдержал и рассмеялся. Смех вышел коротким, сердитым, но настоящим.

— Иди домой. На сегодня с тебя достаточно.

Мальчик собрал свои вещи и направился к двери. Уже на пороге он обернулся:

— Учитель, а можно ещё один вопрос?

— Нет!

— Вот видите, вы уже знаете ответ, даже не услышав вопроса.

И убежал прежде, чем старик успел придумать достойное наказание.

На улице стоял тёплый весенний день. Узкие улочки маленького селения пахли свежим хлебом, дымом очагов и цветущими деревьями. Женщины разговаривали у колодца, торговцы раскладывали товары, а возле чайной двое стариков спорили о том, кто из них лучше помнит времена, когда жизнь была настоящей.

Мальчик остановился возле них.

— О чём спорите, почтенные?

— О прошлом, — проворчал один.

— О том, что раньше люди были честнее, — добавил другой.

— А вы сами тогда были честнее?

Оба старика замолчали.

— Убирайся, озорник! — наконец сказал первый.

Мальчик послушно отошёл, но, пройдя несколько шагов, обернулся:

— Значит, раньше люди были честнее, когда вы ещё не выросли?

Старики переглянулись. Один хотел рассердиться, другой неожиданно улыбнулся.

— Из этого мальчишки либо получится большой мудрец, либо большая беда, — сказал он.

— А почему обязательно одно из двух? — донёсся уже издалека голос мальчика.

Дома его ждала мать. Она сидела у низкого столика и перебирала сушёные травы, раскладывая их по небольшим мешочкам.

— Опять учитель жаловался, — сказала она, не поднимая головы.

— Значит, он обо мне вспоминает. Это уже хорошо.

— Он говорит, что ты не даёшь ему спокойно работать.

— Я бы дал, мама. Но тогда ему пришлось бы спокойно отвечать.

Женщина покачала головой, стараясь скрыть улыбку.

— Скажи лучше, чему ты сегодня научился?

Мальчик задумался.

— Что взрослые не всегда любят правду.

— А ты всегда её любишь?

— Не знаю. Иногда она бывает неприятной.

— Вот видишь. Значит, ты уже чему-то научился.

Он сел рядом с матерью и некоторое время молча наблюдал, как её пальцы ловко перебирают травы.

— Мама, а почему у нас так мало денег?

Женщина остановилась.

— Потому что твой отец давно умер, а хозяйство небольшое.

— А у богатого соседа много денег потому, что у него большое хозяйство?

— В том числе.

— Но он ведь купил ещё два участка у бедного крестьянина. Тот продал их потому, что не мог заплатить налоги.

— Так бывает, сынок.

— А если бы сосед помог ему заплатить налоги, тот не потерял бы землю.

Мать внимательно посмотрела на мальчика.

— Не все люди думают одинаково.

— Это я заметил.

Она погладила его по голове.

— Только не пытайся исправить весь мир за один день.

— А если за два?

— Тогда, боюсь, у тебя ничего не получится.

Мальчик улыбнулся. Он любил мать за то, что она не запрещала ему думать, даже когда не соглашалась с его выводами.

Вечером, когда солнце опустилось за холмы, он вышел во двор. Там стоял старый деревянный ослик, которого отец когда-то вырезал для него из куска орехового дерева. Мальчик сел рядом, взял игрушку на колени и долго рассматривал её.

Отец умер, когда сын был ещё совсем маленьким. В памяти остались лишь отдельные образы: тёплые ладони, негромкий голос, запах дорожной пыли на одежде и одна фраза, которую мать повторяла особенно часто:

«Не бойся показаться смешным, если пытаешься понять что-то важное».

Он не знал, почему отец сказал именно так. Но эти слова почему-то запомнились ему лучше многих уроков.

В тот вечер мальчик впервые подумал, что, возможно, люди слишком боятся выглядеть глупыми. Они предпочитают молчать, даже когда ничего не понимают, и говорить, даже когда им нечего сказать.

Он ещё не знал, что однажды сделает это наблюдение главным оружием своей жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ПЕРВАЯ ПОБЕДА НАД МУДРЕЦАМИ

На следующий базарный день в селение приехал человек, объявивший себя великим знатоком человеческой души.

Он был одет богато, носил длинную бороду, украшенную серебряным кольцом, и говорил так, будто каждое его слово следовало немедленно записывать на пергаменте.

На площади собралась толпа. Незнакомец обещал ответить на любой вопрос, разгадать любую загадку и объяснить любую тайну.

— Я изучал мудрость великих людей, — провозглашал он. — Я беседовал с учёными, слушал правителей, читал древние книги. Нет такой загадки, которую я не смог бы разрешить!

— А загадку самого себя вы уже разрешили? — раздался голос из толпы.

Люди обернулись. Перед ними стоял знакомый мальчик.

Незнакомец нахмурился.

— Что ты имеешь в виду, дитя?

— Вы сказали, что знаете человеческую душу. Значит, должны знать и свою.

— Разумеется!

— Тогда скажите, почему вы приехали к нам?

— Чтобы поделиться знаниями!

— А за деньги?

Толпа зашевелилась. Незнакомец поправил пояс.

— Мудрость тоже имеет цену.

— Значит, если у человека нет денег, ему не положено быть мудрым?

— Ты путаешь вещи, мальчик.

— Возможно. Поэтому я и спрашиваю.

Незнакомец решил, что лучше всего будет поставить нахала на место.

— Хорошо. Задай мне настоящий вопрос. Только такой, на который не сможет ответить даже твой отец, если бы был жив.

Мальчик на мгновение опустил глаза. Улыбка исчезла с его лица, но лишь на секунду.

— Скажите, почтенный, если человек всю жизнь учится быть мудрым, когда у него останется время стать добрым?

Толпа притихла.

Незнакомец открыл рот, но ответа не последовало.

— Это не вопрос, а игра слов! — наконец заявил он.

— Тогда вы можете не отвечать.

Мальчик повернулся, собираясь уйти, но незнакомец схватил его за плечо.

— Постой! Ты считаешь себя умнее меня?

— Нет, почтенный. Я даже не знаю, умнее ли я самого себя.

Несколько человек рассмеялись.

— Тогда почему ты смеёшься над моей мудростью?

— Я не смеюсь над вашей мудростью. Я только пытаюсь её найти.

Теперь смех стал громче.

Незнакомец покраснел. Он привык к почтительным взглядам и благодарным слушателям, но не к тому, чтобы его собственные слова возвращались к нему в виде вопросов.

— Как тебя зовут, мальчик? — спросил он с плохо скрываемым раздражением.

— Сегодня это не имеет значения.

— А завтра?

— Завтра посмотрим.

Мальчик исчез в толпе, оставив после себя несколько десятков улыбок, одного разгневанного мудреца и немало людей, которые впервые за долгое время задумались над услышанным.

А незнакомец ещё долго стоял на площади, пытаясь понять, каким образом маленький оборванец сумел превратить его торжественное выступление в представление для простого народа.

Вечером мальчик рассказал матери о случившемся. Она выслушала его и спросила:

— Ты доволен своей победой?

— А разве я победил?

— Ты заставил человека замолчать перед толпой.

— Но я ведь не хотел его обидеть.

— Иногда, сынок, люди обижаются не потому, что их оскорбили, а потому, что им напомнили о том, чего они сами не знают.

Мальчик задумался.

— Значит, лучше было промолчать?

— Не всегда. Только помни: если твои слова заставляют человека задуматься — это хорошо. Если они заставляют его ненавидеть тебя — подумай, стоило ли говорить именно так.

Он кивнул. Материнские слова показались ему гораздо важнее сегодняшней победы.

А далеко за пределами селения уже начиналась другая жизнь — с дорогами, караванами, шумными базарами, ханскими дворцами и людьми, которые ещё не подозревали, что однажды встретят странного путника. Он будет задавать неудобные вопросы, попадать в нелепые истории, влюбляться, терять, ошибаться и смеяться над собой не меньше, чем над другими.

Но пока это был только мальчик, который слишком много спрашивал.

И даже мать ещё не знала, что однажды весь Восток будет называть его именем, которое сегодня никто не осмелился произнести вслух.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЦЕНА ОДНОГО ВОПРОСА

Утро началось с неприятностей.

Мать ещё не успела поставить на огонь чайник, когда во двор вошёл сосед — богатый торговец, владевший несколькими лавками, двумя караванными дворами и таким количеством земли, что сам, по собственному признанию, уже не помнил всех её границ.

Он был человеком не злым, но чрезвычайно самолюбивым. Ему нравилось, когда при его появлении люди вставали, уступали дорогу и обращались к нему с почтительными словами. Особенно он любил, когда его называли человеком справедливым.

— Доброе утро, соседка, — произнёс он, не дожидаясь приглашения. — У меня к тебе небольшое дело.

— Слушаю, — ответила женщина.

— Твой мальчик вчера опять отличился.

Она опустила глаза.

— Что он натворил?

— Оскорбил почтенного учёного перед всем народом.

— Он никого не оскорблял. Он задавал вопросы.

— Вот именно! Вопросами тоже можно оскорбить человека.

Женщина ничего не ответила.

— Я предлагаю тебе подумать о его будущем, — продолжал торговец. — Мальчику нужен порядок. Ему нужно научиться уважать старших, богатых и образованных людей.

— А если старшие ошибаются?

Торговец посмотрел на неё с удивлением.

— Тогда младшие должны уметь молчать.

В этот момент из-за угла дома появился мальчик. Он услышал последние слова и остановился.

— Дядюшка, — вежливо произнёс он, — а если младшие молчат, откуда старшие узнают, что ошибаются?

Торговец медленно повернулся.

— Опять ты?

— Я просто проходил мимо.

— Тогда проходи дальше.

— С удовольствием. Только сначала хотел спросить…

— Никаких вопросов!

Мальчик послушно кивнул.

— Хорошо. Значит, вы уже ответили.

Торговец покраснел.

— Твоя мать должна лучше следить за тобой!

— Она следит, — ответил мальчик. — Только я иногда успеваю убежать от её заботы.

Сосед ушёл, громко стуча посохом по камням.

Мать посмотрела на сына.

— Ты когда-нибудь научишься вовремя останавливаться?

— Наверное. Но сначала надо узнать, где находится это самое «вовремя».

Она вздохнула и отвернулась, чтобы мальчик не заметил улыбки.

Через несколько дней в селение пришёл сборщик податей. Он приехал не один, а с двумя вооружёнными помощниками и длинным списком имён. Люди встречали его настороженно: никто не любил платить, но ещё меньше любил спорить с теми, кто мог превратить спор в неприятности.

Сборщик остановился у дома бедного гончара. Тот задолжал казне небольшую сумму, но после болезни жены и неурожая не мог расплатиться.

— Закон есть закон, — объявил чиновник. — Если не заплатишь сегодня, заберём твою печь.

— Но без печи я не смогу работать, — взмолился гончар.

— Это уже не моя забота.

Мальчик, стоявший неподалёку, внимательно слушал.

— Почтенный господин, — обратился он к сборщику, — можно задать один вопрос?

— Если короткий.

— Когда человек платит налог, он помогает государству?

— Разумеется.

— А государство должно помогать человеку?

— Когда это необходимо.

— А сейчас необходимо?

Чиновник посмотрел на мальчика.

— Ты кто такой, чтобы рассуждать о государственных делах?

— Пока никто. Поэтому и спрашиваю.

Помощники засмеялись, но сборщику было не до смеха.

— Государственные дела не для детей.

— Тогда почему вы собираете деньги у детей? — спросил мальчик, указав на маленького сына гончара, державшего в руках глиняную игрушку.

— Не вмешивайся!

— Я и не вмешиваюсь. Я только пытаюсь понять, почему у бедного человека забирают печь, чтобы он не мог заработать деньги и заплатить следующий налог.

На площади стало тихо.

Сборщик податей оглядел собравшихся. Он понимал, что если сейчас уступит, завтра каждый должник начнёт задавать ему подобные вопросы. Но и забрать печь на глазах у всей деревни оказалось не так просто.

— До конца недели, — процедил он, обращаясь к гончару. — Если не заплатишь, вернёмся.

Он развернулся и ушёл.

Гончар схватил мальчика за руки.

— Спасибо тебе, сынок!

— Не благодари. Я ведь ничего не сделал.

— Ты заставил его уйти.

— Нет, — серьёзно ответил мальчик. — Он сам ушёл. Просто ему стало неудобно оставаться.

Гончар рассмеялся, а стоявшие рядом люди заулыбались.

Однако мальчик не радовался. Он смотрел вслед чиновнику и думал о том, почему справедливость иногда зависит от того, кто громче произнесёт своё требование.

Вечером мать долго не могла заснуть. Она знала, что сын не умеет держать язык за зубами, и всё чаще тревожилась за него.

— Послушай меня, — сказала она, когда мальчик уже собирался лечь. — Не всякий сильный человек терпит вопросы. Не каждый богатый готов выслушать бедного. И не каждый чиновник способен отличить справедливость от собственного приказа.

— Значит, надо бояться сильных?

— Нет. Но надо понимать, когда опасность настоящая.

Он сел рядом.

— Мама, а если человек всю жизнь будет говорить только то, что безопасно, разве он когда-нибудь узнает правду?

Женщина долго смотрела на сына.

— Иногда правда требует мужества. Но мужество без осторожности превращается в безрассудство.

Мальчик задумался.

— Тогда я постараюсь быть осторожным.

— Обещаешь?

— Обещаю постараться.

— Это не совсем обещание.

— Зато честное, мама.

Она улыбнулась и поцеловала его в лоб.

Ночью мальчик долго лежал с открытыми глазами. За стеной потрескивал очаг, ветер шевелил сухие ветви во дворе. Он думал о гончаре, о сборщике податей, о богатом соседе и о том незнакомце, который называл себя мудрецом.

Ему казалось, что все эти люди живут в разных мирах, хотя ходят по одним улицам и дышат одним воздухом. Одни боялись потерять последнее, другие — лишиться власти, третьи — показаться смешными.

И впервые он задумался: а не является ли страх главным хозяином человеческой жизни?

Ответа у него пока не было.

Но вопросы уже рождались один за другим.

А где-то далеко, за холмами, дорога готовилась принять нового путника. Пока он ещё не знал, что однажды эта дорога приведёт его к встрече с ослом по имени Бахрам, который окажется гораздо умнее многих людей, встреченных им на пути.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ДОРОГА, КОТОРАЯ НАЧИНАЕТСЯ С ПОТЕРИ

В ту весну селение пережило несколько тревожных недель. Сначала перестали приходить караваны с юга, затем подорожала мука, а потом по округе разошёлся слух, будто на большой дороге появились разбойники. Купцы стали выбирать обходные пути, торговцы жаловались на

убытки, а крестьяне всё чаще поглядывали на свои амбары, прикидывая, надолго ли хватит запасов.

Для одних эти события были временным неудобством, для других — настоящей бедой. Особенно тяжело пришлось тем, кто жил дневным заработком: возчикам, подёнщикам, мелким ремесленникам. Когда торговля замирала, вместе с ней замирала и их жизнь.

Мальчик замечал всё это. Он уже научился различать тревогу по лицам людей и понимал, что беда не всегда приходит с громким шумом. Иногда она просто перестаёт оставлять мелкую монету на базарном прилавке.

Однажды утром мать попросила его отнести небольшой мешочек сушёных трав старой знахарке, жившей на окраине соседнего селения. Дорога туда была знакомой, но возвращаться следовало до темноты.

— Не задерживайся, — предупредила она. — И ни с кем не спорь.

— Даже если человек будет неправ?

— Особенно если он будет неправ.

— А если он спросит моего мнения?

— Тогда скажи, что забыл его дома.

Мальчик засмеялся, поцеловал матери руку и отправился в путь.

За селением дорога поднималась на невысокий холм, откуда открывался вид на долину. Весенний ветер гнал по склонам облака пыли, а вдалеке виднелись редкие деревья и крыши крестьянских домов.

Он шёл не торопясь, рассматривая всё вокруг. У дороги лежал сломанный глиняный кувшин. Чуть дальше пастух пытался собрать разбежавшихся овец. У ручья женщина стирала бельё и сердито отгоняла от воды гусей.

Мир казался огромным, хотя мальчик ещё почти нигде не бывал.

На повороте он услышал ругань.

Возле телеги стояли трое мужчин. Один держал за поводья худую лошадь, другой размахивал руками, а третий, пожилой крестьянин в выцветшем халате, пытался что-то объяснить.

— Я тебе говорю, это не моя вина! — кричал старик. — Колесо сломалось на дороге!

— А мне какое дело? — отвечал возчик. — Ты обещал доставить товар к полудню.

— Я не мог предвидеть поломку.

— Тогда плати за задержку.

Старик растерянно оглянулся, заметив мальчика.

— Эй, сынок! Иди сюда. Скажи этому человеку, разве можно требовать деньги за то, в чём нет моей вины?

Мальчик остановился.

— А вы кто друг другу? — спросил он.

— Я нанял его перевезти мешки с зерном, — ответил возчик. — Он сорвал срок и теперь должен заплатить.

— А вы, дедушка?

— Я вёз зерно. Колесо сломалось, и пришлось остановиться.

Мальчик осмотрел телегу. Одно колесо действительно перекосилось, а возле оси лежал обломок деревянной втулки.

— Вы можете продолжить путь? — спросил он старика.

— Если починить колесо.

— А сколько времени это займёт?

— Часа два, если найдётся подходящее дерево.

Мальчик повернулся к возчику.

— А сколько вы потеряете, если подождёте два часа?

— Я потеряю время.

— А если уедете сейчас?

— Тогда найду другого перевозчика.

— Значит, вы не потеряете весь день?

— Не потеряю.

— А старик, если вы уедете, потеряет и день, и плату, и, возможно, зерно. Так почему же вы требуете с него деньги за задержку, если сами можете продолжить путь?

Возчик нахмурился.

— Потому что договор есть договор!

— Тогда покажите, где в договоре написано, что колесо никогда не должно ломаться.

Пожилой крестьянин невольно улыбнулся.

Возчик посмотрел на него, затем на телегу. Он явно хотел ответить, но не нашёл слов, которые не звучали бы нелепо.

— Ладно, — проворчал он. — Пусть чинит. Но только до вечера.

— До вечера успеем, — сказал старик.

Мальчик уже собирался идти дальше, когда возчик окликнул его:

— Эй, философ! Как тебя зовут?

— Пока никак.

— Как это — никак?

— А вот так. Мама зовёт меня домой, учитель — бедой, а соседи — мальчишкой. Выбирайте, что вам больше нравится.

Старик рассмеялся. Возчик только покачал головой.

— Далеко пойдёшь, если не угомонишься.

— Я пока иду недалеко, — ответил мальчик. — Мне всего лишь нужно отнести травы.

У старой знахарки он задержался дольше, чем собирался. Женщина оказалась разговорчивой и, узнав, чей он сын, долго расспрашивала о матери. Она дала ему в дорогу несколько лепёшек, небольшой свёрток сушёных яблок и попросила передать матери поклон.

Когда мальчик вышел, солнце уже клонилось к западу.

Он ускорил шаг. До родного селения оставалось ещё несколько часов пути, а на дороге становилось всё тише. Вскоре он заметил всадника, который медленно двигался ему навстречу.

Это был молодой человек в дорожной одежде. За плечом у него висел небольшой мешок, а на поясе покачивался кинжал. Он выглядел усталым, но держался спокойно.

— Далеко ли до ближайшей гостиницы? — спросил всадник.

— Если идти быстро, к вечеру доберётесь до селения. Там есть постоялый двор.

— А разбойники?

— Говорят, появились на большой дороге.

— Ты их видел?

— Нет.

— Тогда почему говоришь?

— Потому что люди говорят.

Всадник усмехнулся.

— А ты всегда веришь людям?

— Нет. Иногда я сначала смотрю, кто именно говорит.

— И как же ты определяешь?

— Если человек говорит, что видел разбойников, но сам боится пройти по дороге, я ему не очень верю. Если говорит, что видел их и спокойно идёт дальше, тогда начинаю думать.

Молодой человек рассмеялся.

— Ты необычный мальчик.

— Мне уже говорили.

— И что ты собираешься делать, когда вырастешь?

Мальчик задумался.

— Пока не решил.

— А если бы мог выбрать любую жизнь?

— Я бы хотел увидеть мир.

— Зачем?

— Чтобы узнать, одинаково ли люди глупы в разных местах.

Всадник снова рассмеялся, на этот раз громче.

— А если окажется, что они одинаково умны?

— Тогда придётся искать причину, почему они так часто поступают глупо.

Молодой человек посмотрел на него с неподдельным интересом.

— Как тебя зовут?

Мальчик ответил не сразу.

— А вы сначала скажите, зачем вам моё имя.

— Чтобы знать, кого я встретил сегодня на дороге.

— А я пока не знаю, кого встретил.

Всадник кивнул, словно получил ответ, которого и ожидал.

— Справедливо. Меня зовут Юсуф. Я торговец из дальнего города. Если судьба позволит, мы ещё встретимся.

Он тронул коня и поехал дальше.

Мальчик долго смотрел ему вслед. Впервые за весь день ему встретился взрослый человек, который не пытался заставить его замолчать, не сердился на вопросы и даже, кажется, получал от них удовольствие.

Когда он наконец добрался домой, мать встретила его у ворот.

— Я уже начала волноваться!

— Прости, мама. На дороге сломалась телега.

— И ты, конечно, не смог пройти мимо?

— Я прошёл. Но сначала выяснил, кто виноват.

— И кто же?

— Колесо.

Мать рассмеялась, обняла сына и повела его в дом.

В тот вечер он впервые рассказал ей о встрече с торговцем по имени Юсуф. Женщина внимательно выслушала его, но почему-то стала серьёзнее.

— Дорога, сынок, — сказала она, — не только знакомит нас с людьми. Иногда она уводит нас от всего, что мы любили.

— А если там, впереди, найдётся что-то важное?

— Тогда ты должен помнить, откуда вышел.

Мальчик долго молчал. Он ещё не понимал, что мать говорила не о дороге, а о самой жизни.

Но слова её запомнил.

И вскоре ему предстояло сделать первый выбор, который уже нельзя было отменить простым возвращением домой.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ЧУЖАЯ БЕДА

К вечеру мальчик наконец добрался до дома знахарки. Дорога оказалась длиннее, чем он рассчитывал: сначала пришлось помогать возчику, потом он задержался у торговца, а после и вовсе свернул с тропы, услышав за каменной оградой чей-то плач.

Теперь солнце уже клонилось к горам, и последние его лучи ложились на крыши селения, окрашивая их в тёплый медный цвет.

Знахарка, сухонькая старуха с удивительно ясными глазами, сидела у порога и перебирала пучки высушенных трав. Увидев мальчика, она отложила работу.

— Долго же ты добирался. Мать, должно быть, уже начала волноваться.

— Я тоже так думаю, — ответил он. — Но по дороге случилась одна неприятность.

— У дороги всегда найдётся что-нибудь интереснее, чем у того, кто по ней идёт. Что случилось?

Мальчик поставил корзинку рядом с её ногами и рассказал о плаче за оградой. Он услышал его, когда проходил мимо небольшого двора. Там сидела женщина, а возле неё стоял мальчик лет семи, прижимая к груди пустой мешок.

— И что же ты сделал? — спросила старуха.

— Сначала спросил, почему они плачут.

— Разумеется. А потом?

— Потом узнал, что у них забрали козу.

Старуха приподняла брови.

— За долги?

— Нет. Сборщик податей сказал, что хозяин двора задолжал ещё за прошлый год. Но мужчина умер зимой, а его жена не знала, что делать. Коза была единственным, что у них осталось. Она давала молоко, и женщина могла кормить сына.

— И ты решил вмешаться?

— Я решил сначала разобраться.

— Это иногда гораздо опаснее, чем вмешиваться.

Мальчик улыбнулся.

— Я уже заметил.

Он рассказал, что пошёл вслед за сборщиком податей и обнаружил его в чайной. Тот сидел за столом с двумя приятелями, ел жареное мясо и громко рассуждал о порядке в государстве. Мальчик дождался, пока чиновник закончит говорить, и спросил, неужели государственный порядок нуждается в том, чтобы отнимать у вдовы последнюю козу.

Сборщик податей сперва рассмеялся. Потом рассердился. Затем спросил, кто послал мальчишку учить взрослых.

— Я сказал, что никто. Просто хотел узнать, почему долг умершего человека должен оплачивать его ребёнок.

— И что он ответил?

— Что таков закон.

— А ты?

— Я спросил, кто написал этот закон: человек, который хотел помочь государству, или человек, который хотел помочь сборщику податей?

Старуха отложила травы и внимательно посмотрела на мальчика.

— Ты, должно быть, не очень понравился ему.

— Нет. Но один из его приятелей сказал, что вдова действительно не могла знать о долге. Другой напомнил, что коза стоит меньше, чем расходы на её содержание. А потом сборщик податей вдруг решил, что у него есть дела поважнее.

— И вернул козу?

— Не совсем. Он сказал, что пока оставит её у женщины, но долг никуда не исчезает.

— Значит, ты не победил.

— Нет, — спокойно ответил мальчик. — Но женщина хотя бы сегодня сможет накормить сына.

Старуха долго молчала. Потом взяла корзинку, проверила травы и кивнула.

— Мать твоя просила именно эти растения. Передай ей, что пусть заваривает их так, как я показывала. А ещё передай, чтобы она не волновалась: я завтра сама к ней зайду.

Мальчик облегчённо вздохнул. Ему хотелось скорее вернуться домой, но старуха задержала его.

— Послушай, маленький спорщик. Ты задаёшь вопросы, на которые взрослые не любят отвечать. Но запомни: не всякий, кто молчит, согласен с тобой, и не всякий, кто кричит, неправ. Иногда человеку просто страшно. Иногда он сам не понимает, почему поступает дурно. А иногда понимает прекрасно и всё равно не хочет останавливаться.

— А как узнать, кто перед тобой?

— Не торопись с выводами. Смотри не только на слова, но и на то, что человек делает, когда думает, что никто его не видит.

Мальчик задумался.

— Значит, нужно наблюдать за людьми?

— И за собой тоже. Это труднее.

Он поблагодарил старуху, поднял корзинку и отправился обратно.

На обратном пути он снова прошёл мимо двора вдовы. Коза стояла у забора, а мальчик кормил её листьями. Женщина заметила путника, вышла за калитку и тихо сказала:

— Спасибо тебе, сынок.

— Не за что. Я ведь ничего не сделал.

— Иногда достаточно, чтобы кто-нибудь не прошёл мимо.

Эти слова почему-то запомнились ему сильнее, чем все споры за день.

Когда он вернулся домой, мать уже стояла у ворот. Она не стала сразу расспрашивать его. Только взяла корзинку, посмотрела на усталое лицо сына и обняла его.

— Ты опять задержался.

— Да.

— И опять из-за чужой беды?

Он удивлённо взглянул на неё.

— Откуда ты знаешь?

— Я твоя мать. Мне не обязательно читать твои мысли, чтобы догадываться, где ты пропадаешь.

Мальчик рассмеялся.

— А если однажды я сам не буду знать, о чём думаю?

— Тогда не торопись. Иногда человеку полезно немного помолчать.

Они вошли в дом. За окном темнело, в печи потрескивали дрова, а на столе уже стояла нехитрая вечерняя еда.

Мальчик ел молча. Впервые за долгое время ему не хотелось задавать вопросов.

Он думал о женщине, о козе, о сборщике податей и о словах старухи. Ему казалось, что мир устроен странно: одни люди обладали богатством, но не замечали чужого голода; другие почти ничего не имели, но находили в себе силы помочь незнакомцу.

И он ещё не знал, что однажды ему предстоит увидеть мир гораздо больший, чем его селение, и встретить людей, чьи пороки будут куда искуснее спрятаны за красивыми словами.

Но первый урок он уже усвоил: иногда самое трудное — не придумать умный ответ, а не пройти мимо чужой беды.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
КОГДА ИМЯ СТАНОВИТСЯ ВАЖНЫМ

На следующий день в селение прибыл караван.

Он появился из-за холма ближе к полудню: сначала показались верхушки тюков и длинные шеи верблюдов, затем всадники, погонщики и несколько повозок, нагруженных товарами. Караван двигался медленно, поднимая за собой облако пыли. Колокольчики на шеях животных звенели в такт шагам, а погонщики перекликались, словно старались убедить дорогу расступиться перед ними.

Для местных жителей прибытие каравана было событием. На площади сразу появились торговцы, мальчишки, любопытные старики и женщины, которым всегда находилось что купить или обменять.

Мальчик тоже пришёл туда. Не потому, что ему нужны были товары. Его привлекало другое: караван привозил людей, а каждый новый человек был для него словно открытая книга, которую ещё предстояло научиться читать.

Он увидел Юсуфа, молодого торговца, с которым познакомился несколько дней назад. Тот стоял возле тюков с тканями и спорил с высоким бородатым мужчиной в дорогом халате.

— Ты обещал мне двадцать рулонов, — говорил мужчина.

— Я обещал привезти двадцать рулонов, — отвечал Юсуф. — Но один из тюков намок в дороге. Я не стану продавать тебе испорченную ткань.

— Ты потерял товар и теперь хочешь, чтобы я оплатил твою честность?

— Нет. Я хочу, чтобы ты получил то, за что платишь.

Мужчина презрительно усмехнулся.

— Слишком молод ты для торгового дела, Юсуф. Здесь побеждает не тот, кто честен, а тот, кто умеет считать.

— Именно поэтому я и считаю, — ответил торговец. — Если я сегодня обману тебя на один рулон, завтра ты обманешь меня на два. Через месяц мы оба будем считать друг друга мошенниками. И кто из нас заработает больше?

Мужчина не нашёлся с ответом и отошёл, сердито поправляя пояс.

Мальчик приблизился к Юсуфу.

— Ты опять споришь с людьми, которые старше тебя?

— А ты опять слушаешь чужие разговоры?

— Если бы люди не хотели, чтобы их слушали, они говорили бы тише.

Юсуф рассмеялся.

— И всё-таки ты так и не сказал мне своего имени.

Мальчик посмотрел на него.

— А тебе зачем?

— Чтобы знать, как обращаться к человеку, с которым разговариваешь.

— Разве для этого обязательно знать имя?

— Не обязательно. Но так удобнее.

— А если имя не соответствует человеку?

— Тогда человек должен постараться ему соответствовать.

Мальчик задумался. Он никогда прежде не смотрел на имя с такой стороны. Для него оно было просто словом, которым его звали мать и соседи. Но теперь ему стало интересно: может ли имя быть обещанием, которое человек даёт миру, даже не осознавая этого?

— Меня зовут Насреддин, — наконец произнёс он.

Юсуф повторил имя, словно пробуя его на слух.

— Насреддин. Хорошее имя.

— А что в нём хорошего?

— Пока не знаю. Но теперь у меня есть возможность узнать человека, который его носит.

Мальчик усмехнулся.

— Ты говоришь как торговец.

— Я и есть торговец.

— Значит, ты уже решил, что всякого человека можно узнать, если достаточно долго с ним торговаться?

— Нет. Некоторые люди не продаются.

— А некоторые покупают всё, даже то, чего у них никогда не было.

Юсуф посмотрел на него внимательнее.

— Ты опасный собеседник, Насреддин.

— Почему?

— Потому что задаёшь вопросы, после которых человеку приходится думать.

— А разве это опасно?

— Для некоторых — очень.

Они прошли вдоль каравана. Возле одной из повозок спорили два погонщика. Один обвинял другого в том, что тот неправильно закрепил груз, и теперь часть поклажи грозила упасть. Рядом стоял старший караванщик — человек с седой бородой и тяжёлым взглядом. Он слушал спор, но не вмешивался.

Насреддин остановился.

— Почему он молчит?

— Потому что ждёт, когда они договорятся, — ответил Юсуф.

— А если они не договорятся?

— Тогда решит сам.

— Значит, он может решить, не зная, кто прав?

— Может.

— И всё-таки его будут слушаться?

— Конечно. Он старший.

Насреддин посмотрел на караванщика.

— А если старший ошибается?

Юсуф вздохнул.

— Тогда подчинённым придётся выбирать: исправить его ошибку или подчиниться ей.

— И что они обычно выбирают?

— То, что безопаснее.

Мальчик некоторое время молчал, затем подошёл к повозке и указал на ослабевшую верёвку.

— Вот здесь узел почти развязался.

Оба погонщика обернулись. Старший караванщик подошёл, проверил верёвку и нахмурился. Оказалось, мальчик был прав: груз действительно мог соскользнуть на повороте.

— Кто его заметил? — спросил караванщик.

— Этот мальчик, — ответил Юсуф.

Старик посмотрел на Насреддина.

— Как тебя зовут?

— Насреддин.

— И откуда ты знаешь, как крепить груз?

— Не знаю. Просто увидел, что верёвка держится на одном узле, а рядом есть ещё два свободных конца.

Караванщик присел, осмотрел крепление и приказал погонщикам всё переделать.

— Хорошие глаза, — сказал он мальчику. — Только глаза мало что значат, если человек не умеет ими пользоваться.

— А если он умеет, но не хочет?

Старик улыбнулся впервые за весь разговор.

— Тогда ему лучше держаться подальше от караванов.

Юсуф засмеялся, а Насреддин остался серьёзным.

— Ты куда направляешься? — спросил караванщик.

— Домой.

— А дальше?

Мальчик не ответил сразу. Он вспомнил мать, маленький дом, знакомую дорогу и всё, что оставалось там, где он родился. Но вместе с тем он почувствовал странное волнение: перед ним лежал путь, который уходил далеко за пределы селения.

— Не знаю, — сказал он наконец.

— Это честный ответ, — заметил старик. — Но долго с ним не проживёшь. Человеку рано или поздно приходится решать, куда он идёт.

Караванщик отошёл к своим людям. Юсуф задержался возле мальчика.

— Ты ведь хотел увидеть другие места?

— Хотел.

— Тогда приходи завтра утром. Наш караван отправляется на восток. Я поговорю со старшим. Возможно, он возьмёт тебя в дорогу.

Насреддин посмотрел на него.

— А если мать не отпустит?

— Значит, придётся её убедить.

— Ты легко говоришь о чужих матерях.

— Потому что у меня самого её давно нет, — тихо ответил Юсуф.

Мальчик не стал задавать следующий вопрос. Впервые он почувствовал, что любопытство не всегда должно быть сильнее сочувствия.

Он попрощался с Юсуфом и направился домой. Дорога казалась прежней, но теперь он смотрел на неё иначе. За ближайшим холмом начинался другой путь, за ним — другие селения, города, рынки, дворцы и люди, которых он пока не знал.

Дома мать занималась хозяйством. Увидев сына, она сразу заметила его задумчивость.

— Что случилось?

— Завтра уходит караван.

— Я знаю. С самого утра весь двор только об этом и говорит.

— Юсуф предложил мне отправиться с ними.

Руки матери на мгновение замерли.

— Куда?

— На восток. Он сказал, что поговорит с караванщиком.

Мать медленно положила на стол то, что держала.

— А ты хочешь?

Насреддин не ответил.

— Вчера ты говорил, что дорога может увести от всего любимого, — напомнил он.

— Помню.

— А если я никогда не уйду, как узнаю, что там, за холмами?

Мать долго смотрела на сына. В её глазах не было ни удивления, ни упрёка. Только та печаль, которую испытывает человек, заранее понимающий, что однажды ему придётся отпустить самое дорогое.

— Ты можешь узнать многое, — сказала она. — Но не думай, что дальняя дорога обязательно сделает тебя мудрее. Иногда человек возвращается издалека с тем же сердцем, с каким уходил. А иногда достаточно одного шага за порог, чтобы понять о себе больше, чем за целую жизнь.

— Значит, ты меня отпустишь?

Она не ответила сразу.

— Сначала мы поговорим. А потом решим.

Насреддин кивнул. Он не стал спорить и не стал просить. Впервые ему показалось, что взрослое решение отличается от детского желания именно тем, что в нём приходится думать не только о себе.

В тот вечер мать долго не ложилась спать. Она сидела у окна и смотрела на дорогу, по которой когда-то ушёл его отец и по которой теперь мог уйти сын.

А Насреддин лежал с открытыми глазами и прислушивался к ночным звукам.

Он ещё не знал, что завтрашний разговор изменит всю его жизнь. Не знал, какие встречи ждут его впереди, сколько раз ему придётся ошибаться, смеяться, терять и начинать сначала.

Но имя у него уже было и теперь ему предстояло узнать, кем он станет.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЦЕНА РАССТАВАНИЯ

Утро началось непривычно тихо. Даже петух, обычно возвещавший о рассвете с таким усердием, словно от этого зависела судьба всего селения, на этот раз ограничился несколькими сонными криками.

Насреддин проснулся раньше матери. Он лежал, глядя на потолок, и прислушивался к тому, как за стеной она передвигала посуду. Накануне они так и не договорились окончательно о его путешествии. Мать сказала, что ответит утром, а он не стал больше настаивать.

Но разве можно спокойно ждать, когда за окном уже собирается караван?

Он поднялся, умылся холодной водой и вышел во двор. Мать стояла возле колодца. На её плечах лежал старый платок, а в руках была глиняная чашка.

— Ты рано, — сказала она.

— Караван тоже рано.

— Каравану некуда торопиться. У него впереди целая дорога.

— А мне?

Мать посмотрела на него.

— Тебе, кажется, уже не терпится.

Он улыбнулся, но тут же посерьёзнел.

— Я не хочу уехать так, чтобы ты думала, будто я убегаю от тебя.

— А я не хочу удерживать тебя так, чтобы ты однажды подумал, будто я украла у тебя жизнь.

Она поставила чашку на край колодца.

— Твой отец тоже любил дорогу. Когда-то он сказал мне, что человек не должен всю жизнь смотреть на один и тот же горизонт. Я тогда рассердилась. Мне казалось, что он просто ищет оправдание своей непоседливости. Но потом поняла: он не мог жить иначе.

— Ты скучала по нему?

— Каждый день.

Насреддин опустил глаза.

— Тогда почему ты не остановила его?

— Потому что любовь не всегда означает удерживать. Иногда она означает ждать. Но есть одна вещь, которую я хочу, чтобы ты понял.

Она подошла ближе и поправила ему ворот рубахи.

— Не путай свободу с бегством. Если ты отправляешься в дорогу, не потому что тебе надоело то, что здесь, а потому что хочешь увидеть и понять больше, — иди. Но не думай, что вдали от дома тебе перестанут быть нужны люди, которые тебя любят.

Насреддин обнял мать.

— Я вернусь.

— Не обещай того, чего пока не можешь знать. Лучше обещай, что не забудешь.

Он кивнул.

Мать достала из небольшого сундука узкий кожаный мешочек. Внутри лежал серебряный медальон с потемневшим изображением дерева.

— Это принадлежало твоему отцу. Он носил его в дороге. Возьми.

— Но это твоё.

— Теперь оно должно быть у тебя.

Мальчик осторожно сжал медальон в ладони.

— А если я его потеряю?

— Значит, будешь помнить не вещь, а того, кому она принадлежала.

Вскоре на дороге послышались голоса. Караван собирался в путь. Насреддин взял небольшой узелок с одеждой, хлебом и сушёными фруктами. Мать проводила его до ворот.

Юсуф уже ждал возле повозки.

— Я думал, ты передумаешь, — сказал он.

— Я тоже так думал.

— И что же заставило тебя решиться?

Насреддин посмотрел на мать, стоявшую у ворот.

— Иногда человек уходит не потому, что хочет покинуть дом, а потому, что однажды должен проверить, чему его научил этот дом.

Юсуф ничего не ответил. Он только помог мальчику устроиться возле поклажи.

Караван тронулся.

Мать стояла у ворот, пока фигуры людей и животных не превратились в маленькие точки на дороге. Насреддин несколько раз оборачивался. Последний раз он увидел её возле старой груши, под которой когда-то играл в детстве.

Потом дорога повернула, и дом исчез.

Он долго молчал.

— Тебе грустно? — спросил Юсуф.

— Да.

— Тогда почему ты улыбаешься?

— Потому что мне грустно и интересно одновременно. Оказывается, сердце умеет делать две вещи сразу.

Юсуф засмеялся.

— Это полезное открытие для путешественника.

Караван двигался через долину. Солнце поднималось всё выше, и вскоре селение осталось далеко позади. Насреддин смотрел на незнакомые холмы и думал о том, что каждый из них скрывает какую-то историю.

Он ещё не знал, что первая настоящая проверка его характера начнётся гораздо раньше, чем он увидит большой город.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ УМЕЛ СЛУШАТЬ

К полудню караван остановился у небольшого источника. Верблюдов отвели к воде, погонщики расселись в тени, а торговцы принялись проверять поклажу.

Насреддин устроился возле камня и достал хлеб. Он собирался поесть, когда услышал громкий голос.

— Я вам говорю: этот человек лжёт!

У повозки стояли двое. Один был пожилым торговцем с аккуратно подстриженной бородой, другой — худощавым молодым человеком, державшим в руках небольшой свёрток.

— Я не лгу, — ответил молодой. — Я говорю, что товар был испорчен ещё до того, как вы его купили.

— Ты обвиняешь меня в обмане?

— Я обвиняю вас в том, что вы не хотите признать очевидное.

Вокруг уже собрались люди. Пожилой торговец говорил громче, чем требовала ситуация. Он повторял, что его имя известно на многих рынках и никто никогда не сомневался в его честности.

— Если бы каждый покупатель мог обвинять продавца только потому, что ему не понравился товар, — восклицал он, — торговля давно бы прекратилась!

Юсуф подошёл к спорящим.

— Что произошло?

Оказалось, молодой человек купил у старого торговца несколько кусков ткани. Дома он обнаружил, что часть материала испорчена сыростью. Продавец отказался возвращать деньги, утверждая, что покупатель сам намочил ткань.

— Есть свидетели? — спросил Юсуф.

— Нет, — ответил молодой.

— А доказательства?

— Ткань пахнет сыростью. Посмотрите сами.

Старый торговец презрительно махнул рукой.

— Он мог намочить её по дороге. Кто теперь это докажет?

Юсуф осмотрел ткань, но ничего определённого сказать не смог.

— Здесь трудно установить правду, — произнёс он.

— Вот именно! — торжествующе заявил старик. — Трудно установить, значит, покупатель должен заплатить.

Насреддин поднялся с камня и подошёл ближе.

— А если трудно установить, значит, продавец должен вернуть деньги?

Все повернулись к нему.

— Опять ты, мальчишка? — нахмурился старый торговец.

— Я только пытаюсь понять.

— Тогда слушай взрослых.

— Я слушаю. Но пока слышу только одного взрослого, который не хочет слушать другого.

Несколько человек усмехнулись.

Старик шагнул к нему.

— Ты знаешь, кто я?

— Нет. Но вы уже несколько раз сказали, что вас знают на многих рынках.

— И этого недостаточно?

— Для меня — пока нет.

Юсуф прикрыл ладонью улыбку.

— Послушай, мальчик, — сказал старик, стараясь говорить спокойно. — В торговле нельзя полагаться на слова. Нужны доказательства.

— Согласен. Но ведь и ваше утверждение, что покупатель сам испортил ткань, тоже пока только слова.

— Я торговец с многолетним опытом!

— А он покупатель с испорченной тканью. Почему ваш опыт должен быть доказательством, а его слова — нет?

Старик открыл рот, но ничего не ответил.

Насреддин присел возле свёртка и осторожно развернул ткань.

— Можно я посмотрю?

Молодой человек передал ему материал.

Мальчик провёл пальцами по краю, затем понюхал ткань и обратил внимание на неровный след возле сгиба.

— Вы перевозили её в закрытом сундуке? — спросил он покупателя.

— Да.

— А до этого?

— Продавец вынес её из своей кладовой и завернул в холстину.

Насреддин повернулся к торговцу.

— А ваша кладовая сухая?

— Разумеется!

— Тогда почему от ткани пахнет сыростью?

— Я не обязан отвечать на каждый глупый вопрос!

— Конечно. Но если вы хотите, чтобы вам верили, иногда полезно отвечать и на неудобные.

Старик раздражённо посмотрел на него, потом на ткань.

— Ладно. Я проверю её, когда вернёмся в город. Если она действительно была испорчена до продажи, верну деньги.

Молодой покупатель недовольно покачал головой.

— А если вы снова откажетесь?

— Тогда пойдём к судье, — ответил старик.

Спор на время прекратился. Люди разошлись, но Насреддин не вернулся к своему камню. Он смотрел вслед старому торговцу.

— Ты думаешь, он вернёт деньги? — спросил Юсуф.

— Не знаю.

— Тогда зачем вмешивался?

— Чтобы он хотя бы на минуту задумался, что его слова не единственные на свете.

Юсуф присел рядом.

— Ты любишь спорить.

— Не очень.

— А со стороны кажется, что именно это тебе нравится больше всего.

— Мне нравится, когда люди начинают слушать друг друга. А спорить приходится потому, что иначе они слышат только себя.

Юсуф задумчиво посмотрел на мальчика.

— Знаешь, Насреддин, у тебя есть одна опасная привычка.

— Какая?

— Ты заставляешь людей замечать то, что они предпочли бы не замечать.

— А у тебя?

— У меня?

— Ты умеешь говорить с людьми так, что они перестают сердиться. Даже когда проигрывают спор.

Юсуф рассмеялся.

— Это не мудрость. Это торговый навык.

— А разве одно мешает другому?

— Иногда помогает. Иногда мешает.

К вечеру караван снова тронулся. Насреддин ехал молча, вспоминая сегодняшний спор. Он постепенно начинал понимать, что справедливость редко приходит сама. Её приходится искать, иногда защищать, а порой — просто не позволять ей исчезнуть из разговора.

Но он ещё не знал, что впереди его ждёт встреча с человеком, который сумеет доказать ему: можно говорить правду и всё равно оставаться неправым, если не понимаешь, когда и кому её следует сказать.

И эта встреча станет для Насреддина первым серьёзным испытанием не ума, а характера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
МУДРОСТЬ, КОТОРАЯ ПРОДАВАЛАСЬ НА РЫНКЕ

На третий день пути караван достиг большого торгового города. Он встретил путешественников шумом, запахами пряностей, голосами зазывал и бесконечным движением людей. Казалось, здесь никто не ходил просто так: одни спешили купить, другие — продать, третьи — убедить первых двух, что без их товара жизнь потеряет всякий смысл.

Насреддин остановился у входа на рынок.

— Что тебя удивляет? — спросил Юсуф.

— Здесь все что-нибудь предлагают.

— Так устроена торговля.

— А если человек ничего не хочет покупать?

— Тогда ему будут предлагать ещё настойчивее.

Насреддин рассмеялся.

Они прошли мимо лавки, где продавали ковры, затем мимо торговца благовониями и остановились возле небольшой площади. Там на возвышении стоял человек в дорогом одеянии. Перед ним лежала раскрытая книга, а вокруг собралась толпа.

— Слушайте, люди! — провозглашал он. — Я познал тайны человеческой души! Я знаю, почему одни люди рождаются счастливыми, а другие несчастными. Я могу объяснить природу добродетели, происхождение пороков и путь к истинной мудрости!

Юсуф остановился.

— Вот это интереснее, чем торговля коврами.

— Почему?

— Потому что ковёр можно потрогать, прежде чем купить. А мудрость — нет.

Насреддин прислушался.

Человек на возвышении продолжал:

— Но знания требуют труда! Поэтому каждый, кто желает услышать мои наставления, должен внести небольшую плату. Всего одну серебряную монету!

Мальчик посмотрел на толпу.

— Он продаёт мудрость?

— Похоже на то.

— А если человек уже мудр?

— Тогда, вероятно, он может сэкономить деньги.

Насреддин задумался, затем подошёл ближе.

— Почтенный учитель, можно задать вам вопрос?

Оратор посмотрел на него с высоты своего положения.

— Спрашивай, дитя. Только не занимай время взрослых.

— Если человек всю жизнь учится быть мудрым, когда у него останется время стать добрым?

Толпа притихла.

Учитель поправил ворот своего халата.

— Добродетель, дитя моё, есть следствие мудрости.

— Значит, если человек мудр, он обязательно добрый?

— В большинстве случаев.

— А если он знает, как правильно поступить, но поступает плохо?

— Тогда он ещё недостаточно мудр.

— А если он знает, что поступает плохо, но получает от этого выгоду?

Оратор нахмурился.

— Ты задаёшь слишком много вопросов.

— Я ещё не получил ни одного ответа.

Кто-то в толпе засмеялся.

Учитель поднял руку, требуя тишины.

— Послушай, мальчик. Настоящая мудрость не даётся каждому. Она требует долгого обучения, размышления и дисциплины.

— Я понимаю. Но ведь доброта иногда требуется немедленно. Например, когда человек голоден. Разве ему нужно сначала выслушать ваши наставления, чтобы получить кусок хлеба?

Смех стал громче.

Оратор закрыл книгу.

— Ты ещё слишком молод, чтобы рассуждать о таких вещах.

— Возможно. Но голодный человек тоже бывает молодым. И старым. И мудрым. И глупым. Голод ведь не спрашивает, сколько тебе лет.

Несколько человек одобрительно закивали.

Учитель спустился с возвышения.

— Кто твои родители?

— Мать живёт в небольшом селении. Отца я почти не помню.

— А кто тебя учил?

— Мать. Иногда жизнь. Иногда люди, которые не подозревают, что чему-то меня учат.

Оратор покачал головой.

— С таким характером ты далеко не уйдёшь.

— А вы далеко ушли?

Вопрос прозвучал негромко, но учитель услышал его.

Он посмотрел на мальчика, затем на толпу, которая уже не скрывала улыбок.

— Ты хочешь выставить меня посмешищем?

— Нет. Я хотел услышать мудрость. Но пока услышал только цену.

На площади раздался дружный смех.

Юсуф отвёл Насреддина в сторону, прежде чем спор перешёл в ссору.

— Ты понимаешь, что теперь этот человек тебя запомнит?

— А разве это плохо?

— Не всегда полезно, когда тебя запоминают люди, которые продают мудрость.

— Тогда пусть сделает мне скидку.

Юсуф не выдержал и рассмеялся.

Вечером, когда они расположились на ночлег, он спросил:

— Скажи, Насреддин, почему ты не промолчал?

— Потому что он говорил о доброте, но не заметил, что вокруг него стоят люди, которым нужна не мудрость, а справедливость.

— А ты уверен, что сам знаешь, что такое справедливость?

Мальчик задумался.

— Нет. Но я хотя бы не продаю её за серебряную монету.

Юсуф долго смотрел на него, а затем тихо произнёс:

— Береги себя. Не всякий человек способен смеяться над собой. Некоторые предпочитают заставить замолчать того, кто смеётся над ними.

Насреддин лёг, положив под голову узелок. Он ещё не знал, что слова Юсуфа окажутся пророческими.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ПЕРВАЯ ТЕНЬ ВЛАСТИ

На следующее утро караван покинул город. Но не все путешественники отправились вместе с ним. Старший караванщик решил задержаться на несколько дней, чтобы завершить торговые дела, а Юсуф получил поручение доставить небольшую партию тканей в соседнее селение.

Насреддин должен был сопровождать его.

Дорога шла вдоль невысоких холмов. Время от времени встречались небольшие деревни, поля и сады, за которыми виднелись глиняные дома.

Они ехали уже несколько часов, когда услышали впереди шум.

У обочины стояла повозка, а возле неё спорили трое всадников и пожилой крестьянин. Один из всадников держал в руках свиток.

— Я уже объяснил тебе, — говорил он, — земля принадлежит господину. Ты пользовался ею по его милости, а теперь должен заплатить за каждый год.

— Но мой отец обрабатывал это поле ещё до рождения вашего господина, — возражал крестьянин. — Здесь похоронены мои родители. Здесь выросли мои дети. Как же земля может быть чужой?

— Потому что так написано в документе.

— А кто написал документ?

— Не твоё дело.

Крестьянин опустил голову. Рядом стояла его дочь, молодая женщина с младенцем на руках. Она молчала, но в её глазах было столько тревоги, что Насреддин невольно остановился.

Юсуф спешился.

— Что здесь происходит?

Один из всадников повернулся к нему.

— Проезжай мимо. Это не касается тебя.

— Я и собирался. Но теперь вижу, что человек просит о помощи.

— А ты кто такой, чтобы вмешиваться?

— Торговец.

— Тогда торгуй. Здесь не рынок.

Юсуф посмотрел на крестьянина.

— Сколько требуют?

— Три серебряные монеты за каждый год, — ответил тот. — А я не могу заплатить даже за последний.

— Почему?

— Урожай погиб. Дождей почти не было. Я продал часть скота, чтобы купить зерно. Теперь хотят забрать поле.

Всадник поднял свиток.

— Здесь всё написано. Закон есть закон.

Насреддин, до этого молчавший, подошёл ближе.

— А если в документе написана ошибка?

— Ты кто такой? — резко спросил всадник.

— Человек, который умеет читать.

— И что?

— Я хотел бы прочитать.

Всадники переглянулись.

— Убирайся, мальчишка.

Юсуф положил руку ему на плечо.

— Насреддин, не надо.

Но мальчик уже смотрел на свиток.

— Если всё написано правильно, вам нечего бояться.

Всадник рассмеялся.

— Хорошо. Читай. Только не думай, что после этого станешь судьёй.

Он протянул свиток.

Насреддин осторожно развернул его. Текст был написан довольно крупно, и мальчик смог разобрать большую часть. Он перечитал несколько строк, затем поднял глаза.

— Здесь сказано, что крестьянин обязан платить за пользование землёй, если урожай был получен.

— Именно!

— А где написано, что он должен платить, если урожая не было?

Всадник нахмурился.

— Не твоё дело толковать документы.

— Я не толкую. Я читаю.

Юсуф внимательно посмотрел на свиток.

— Действительно, здесь есть условие об урожае.

Всадник вырвал документ из рук мальчика.

— Вы оба слишком много говорите. Решение уже принято.

— Кем? — спросил Насреддин.

— Господином.

— А господин видел поле?

— Разумеется, нет.

— Тогда откуда он знает, что крестьянин собрал урожай?

Всадник пришпорил коня.

— Хватит! Если ещё раз услышу от тебя подобные речи, отправлю тебя к управляющему. Там тебе объяснят, как следует разговаривать с людьми, стоящими выше тебя.

Он развернул коня и поскакал прочь. Двое других последовали за ним.

Крестьянин долго смотрел им вслед.

— Спасибо, сынок. Но ты напрасно вмешался. Теперь они могут вернуться.

Насреддин пожал плечами.

— Если они вернутся, мы снова прочитаем документ.

— Ты не понимаешь, — тихо сказал старик. — У них власть.

— А у тебя поле.

— Пока ещё моё.

Юсуф вмешался:

— Мы не можем решить всё за один день. Но я знаю одного человека в городе, который умеет разбираться в земельных спорах. Я попробую поговорить с ним.

Крестьянин покачал головой.

— Бог воздаст вам за доброту. Но я боюсь, что до суда дело не дойдёт. Они могут забрать землю раньше.

Юсуф обещал вернуться, если найдёт способ помочь.

Когда они снова тронулись в путь, Насреддин долго молчал.

— Ты сердит? — спросил Юсуф.

— Да.

— На кого?

— На тех, кто думает, что бумага может быть важнее человека.

— Бумага иногда защищает человека.

— Тогда почему её используют, чтобы отнять у него последнее?

Юсуф не ответил.

Насреддин достал из-за пазухи медальон отца и провёл пальцем по потемневшему изображению дерева.

— Знаешь, Юсуф, — произнёс он, — я начинаю понимать, почему некоторые люди боятся вопросов.

— Почему?

— Потому что иногда достаточно одного вопроса, чтобы стало видно, на чём держится их власть.

Юсуф посмотрел на него с тревогой.

— И всё-таки не забывай: не всякую стену можно разрушить головой.

— А если в стене есть дверь?

— Тогда сначала нужно узнать, кто держит ключ.

Они продолжили путь.

А в селении, оставшемся позади, крестьянин ещё долго стоял у своей повозки, не зная, что делать дальше. Он не знал, поможет ли ему молодой торговец, и не знал, чем обернётся вмешательство мальчика. Но впервые за много дней ему показалось, что он не совсем один.

И это чувство иногда стоит дороже, чем серебро.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
КОГДА ПРАВДА ОКАЗЫВАЕТСЯ НЕУДОБНОЙ

К вечеру Юсуф и Насреддин добрались до селения, куда должны были доставить ткани. Это было небольшое поселение, окружённое садами и виноградниками. Дома стояли близко друг к другу, а над крышами поднимался дым вечерних очагов.

Юсуф остановился у постоялого двора, расплатился с хозяином за место для повозки и велел разгрузить товар утром. Насреддину он предложил отдохнуть, но тот заметил неподалёку небольшую толпу возле дома с голубыми ставнями.

— Что там случилось? — спросил мальчик.

— Не знаю. И, если честно, сегодня я предпочёл бы ничего не выяснять.

— Почему?

— Потому что всякий раз, когда ты начинаешь выяснять, кто прав, кто-нибудь обязательно оказывается недоволен.

— А разве это моя вина?

— Нет. Но неприятности почему-то не спрашивают, кто виноват.

Юсуф направился к постоялому двору, а Насреддин, разумеется, пошёл к толпе.

Во дворе стояла женщина средних лет. Перед ней на земле лежал разбитый кувшин, а рядом находился молодой человек в богатой одежде. Он обвинял женщину в том, что она намеренно испортила его товар.

— Я поставил кувшин у стены, — говорил он. — Ты задела его корзиной и разбила. Теперь должна заплатить.

— Я не задевала его, — отвечала женщина. — Ты сам поставил его на край ступени. Я только проходила мимо.

— Значит, ты отказываешься платить?

— У меня нет таких денег.

Молодой человек презрительно усмехнулся.

— Тогда завтра я приведу людей и заберу у тебя что-нибудь взамен.

Насреддин протиснулся сквозь толпу.

— А сколько стоит кувшин?

Молодой человек обернулся.

— Это тебя не касается.

— Я хочу понять, стоит ли он того, чтобы из-за него пугать женщину.

— Он стоит дороже, чем твоя одежда.

Насреддин посмотрел на свои потёртые рукава.

— Тогда, пожалуй, вы правы. Но если он стоит так дорого, почему вы оставили его там, где его легко разбить?

Толпа тихо засмеялась.

— Ты опять суёшь нос не в своё дело?

— Я пока только спрашиваю. Это ведь не запрещено?

— Я не обязан отвечать мальчишке!

— Конечно. Но тогда не сердитесь, если люди начнут отвечать вам сами.

Молодой человек шагнул к нему, однако женщина вмешалась:

— Не надо, сынок. Не связывайся с ним. Он человек влиятельный, его дядя служит при дворе местного правителя.

Насреддин повернулся к ней.

— А кувшин от этого стал дороже?

Женщина не удержалась от улыбки.

Молодой человек покраснел.

— Хватит! Я завтра вернусь. И тогда посмотрим, кто будет смеяться.

Он ушёл, расталкивая собравшихся.

Насреддин присел возле разбитого кувшина. Осколки были свежими, но на одном из них виднелась небольшая трещина, покрытая пылью.

— Он уже был повреждён, — заметил мальчик.

Женщина удивлённо посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Посмотрите. Трещина старая, её края потемнели. Возможно, кувшин действительно был слабым.

— Но я его не разбивала.

— Я вам верю. Только это ещё нужно доказать.

— Как?

Насреддин задумался.

— Нужно найти человека, который видел, где он стоял.

Оказалось, что неподалёку жил старик, торговавший глиняной посудой. Он хорошо знал хозяина кувшина и мог подтвердить, что тот купил его совсем недавно. Но, когда его позвали, старик признался, что кувшин уже тогда имел трещину.

— Я предупреждал его, — сказал старик. — Но он не захотел менять товар. Сказал, что никто не заметит.

Женщина облегчённо вздохнула.

Насреддин посмотрел на неё.

— Теперь у вас есть свидетель.

— Но он всё равно может вернуться.

— Может. Однако теперь ему придётся объяснять, почему он требует деньги за вещь, которую сам продал с недостатком.

Старик одобрительно кивнул.

— Хорошо рассуждаешь, мальчик. Только запомни: правда не всегда защищает того, кто её знает. Иногда её ещё нужно уметь доказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.